
МАРИНА ЭЛЬДЄНБЄРТ
КНИГА ТРЕТЬЯ
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
18+

Марина Эльденберт

Танцующая для дракона. Звезды падают в небо

Серия «Огненное сердце Аронгары», книга 6

https://litres.ru/70557025
SelfPub; 2024

Аннотация

Отбор продолжается, и съемки тоже. Интриги одна другой хлеще, и не сказать, что я знаю, где безопасней. В Даармархе, где каждое неосторожное слово может обойтись Теарин очень дорого, или в Аронгаре, где каждый съемочный день для меня и Джермана Гроу может стать последним. Впрочем, когда я боялась трудностей? Гораздо больше меня, так же как и Теарин, пугает близость одного-единственного дракона. Без которой даже самое сильное пламя становится ледяным. Третья книга серии.

Содержание

Глава 1. Танни 4
Глава 2. Танни 32
Глава 3. Танни 58
Глава 4. Теарин 79
Глава 5. Танни 107
Конец ознакомительного фрагмента. 110

Марина Эльденберт
Танцующая для дракона. Звезды падают в небо

Глава 1. Танни

Зингсприд, Аронгара

Шмякнулась я в самый неподходящий момент. То есть почти шмякнулась: под окрик Единички лодыжку прошило болью, и нога подогнулась. Резко. Встреча с покрытием телепортационного зала была бы весьма эпичной, если бы Гроу, в два шага преодолев разделяющее нас расстояние, меня не подхватил.

Я успела только почувствовать сильные руки на своей талии и резкий запах сигарет, когда из меня вышибло все мысли. Впрочем, мысли сейчас точно были лишними, потому что в полыхающих зеленью глазах я видела свое отражение, а вертикальный зрачок меня ни капельки не пугал. Наоборот, вечно бы смотрела. И чувствовала: напряженные мышцы под пальцами, и яростное, клубящееся в глубине его глаз пламя.

– Местр Гранхарсен… – под голос Рона в зал бодро влете-

ли сотрудники службы безопасности Зингспридского телепорта.

В довершение всего телефон Единички разразился звонком: подозреваю, что в эту минуту вальцгард мысленно ругался трехэтажным аронгарским за то, что не написал прошение об отставке, когда получил назначение в телохранители Танни Ладэ. Пара коротких слов, которые я не расслышала, а потом Рон протянул мобильный Гроу. Черты лица мужчин заострились, зрачок вальцгарда тоже располосовал радужку, и меня окатило звериным напряжением.

Мобильный Гроу взял, но меня не отпустил.

– Да, моя милая Люси, – произнес он таким тоном, что даже меня здорово проняло. – Тут такое дело… видишь ли, пока я пытался тебе дозвониться, а ты не брала трубку, мне довелось узнать, что ты хочешь увезти Танни в Мэйстон. В связи с чем у меня к тебе деловое предложение: ты отзываешь своих покусак, а я не устраиваю развлечение для СМИ.

– Ты окончательно сдурел, Гроу?! – трубка здорово фонила, поэтому ледяным душем окатило и меня заодно.

– Окончательно сдурел я еще лет двадцать назад, так что давай не будем проверять, насколько.

– Моя сестра едет в Мэйстон.

– Танни останется со мной.

– Вы. Оба. Социально опасные элементы, – теперь уже Леона цедила слова. – Или ты сейчас отдаешь мне сестру, или…

– Или что?! – издевательски поинтересовался он.

В зале повисла тишина.

Не могу быть уверенной, что все всё слышали, но у портпроводницы глаза стали очень круглые, а у Рона в радужку добавилось пламя. Правда, по сравнению с тем, какое пламя сейчас излучал Гроу, это был так, фонарик на смартфоне.

– Мне нужно поговорить с сестрой, – донеслось из трубки сквозь зубы.

– Несомненно. Ближе к вечеру ты все равно будешь в Зингспридe, тогда и поговорите. Так что мне передать парням из службы безопасности? Они тут нервничают в непонятках: надевать на меня наручники или нет.

Из трубки донесся судорожный вздох и что-то затрещало.

– Отдай телефон Местерхарду, Джерман.

Гроу с улыбкой, больше напоминавшей оскал, протянул мобильный Единичке. Ноздри вальцгарда едва уловимо дернулись, он поднес телефон к уху и сдержанно кивнул. Потом из кольца телепорта обратно выкатился его напарник, и Рон кивнул совершенно ошарашенной портпроводнице:

– Закрывайте переход.

Видимо, мои мыслительные процессы здорово сбоили, потому что до меня только сейчас дошло, что Гроу сказал Леоне.

«Пока я пытался тебе дозвониться».

На этой оглушающей мысли схлопнулось сияние кольца, а Гроу рывком подхватил меня на руки.

– Это внутреннее, вы свободны, – процедил Единичка, и парни из службы безопасности расступились.

Столько ошалевших физиономий вокруг я не видела еще ни разу, но подозреваю, что и моя была не лучше.

– Погоди… ты сказал, что звонил Леоне?

– Звонил, – коротко отозвался он, когда мы шли к лифтам.

– То есть…

– Не сейчас.

Это было сказано настолько резко, что после всего даже «заткнись» прозвучало бы менее обидно. Впрочем, играть в обидки мне сейчас было некогда: ощущение, что на меня опрокинули ведро ледяной воды, а следом окатили ледяным пламенем, было гораздо сильнее. Получается, Леона знала, что Гроу нашелся, и мне ничего не сказала?!

Желание сказать ей все, что я о ней думаю, перебило явление Единички.

– На вашем месте я бы не вел себя столь вызывающе, местр Гранхарсен. Особенно после того, что случилось.

– На вашем месте я бы заткнулся, капитан Местерхард, потому что у меня был очень хреновый день, и пара лишних лет таэрран меня совершенно не смущает.

Единичка тоже знал?!

То есть он все это время знал, что…

На этом я окончательно выпала в нерастворимый осадок.

Несмотря на то, что шли мы не через основные залы, на нас смотрели. Я бы даже сказала, пялились: потому что

всклокоченная девица в вечернем платье на руках знаменитого режиссера и сопровождение из двух внушительных парней, широтой плеч не уступающих шкафам, один из которых ведет виари (мужчина, не шкаф) – такое зрелище увидишь не каждый день.

Перед глазами мельтешило: под схлынувшее напряжение схлынул и остаток сил, и сейчас меня слегка потряхивало. Лица сливались в пестрый калейдоскоп, неоновая реклама заставляла жмуриться, поэтому когда в лицо снова ударила духота зингспридской ночи, я судорожно вздохнула.

Гроу осторожно опустил меня рядом с флайсом, по-прежнему не отпуская моей талии.

– Блохастую на заднее сиденье, – скомандовал вальцгардам.

Те, хоть и с зубовным скрежетом (видно было по лицам), подчинились. Бэрри обиженно виркнула, когда ее чуть ли не силой затолкали во флайс. К счастью, меня никто во флайс силой не запихивал, я сама села. Точнее, упала на мягкое сиденье, игнорируя механический голос: «Пожалуйста, пристегнитесь».

Постойте-ка…

А куда мы едем?

– От моей квартиры ничего не осталось, – сказала я, когда Гроу оказался рядом, мазнув пальцами по панели управления.

– Знаю, – это снова прозвучало резко.

Сквозь зубы.

– Откуда?

– От Паршеррда, – это прозвучало еще резче.

И на десять градусов холоднее.

Разом вспомнилось все: ледяные пальцы и текущий вдоль позвоночника холод, когда я считала, что вот-вот оставлю его в Зингсприде. Короткая вспышка радости, когда он вошел в зал и сильные руки на моей талии. Мы ни слова не сказали друг другу, но это было и не нужно, поэтому сейчас его холод оказался обжигающе-болезненным.

Выбившим из меня остатки сил.

Наверное, в эту минуту меня окончательно накрыло, потому что я ударила по кнопке поднятия дверцы и рванулась из салона флайса обратно, на крышу.

– Ты рехнулась?! – процедил Гроу, рывком втягивая меня обратно.

Под его пальцами вспыхнула панель на моем сиденье, припечатывая меня ремнем к креслу.

– Рехнулась, ага! – тоже шарахнула по панели, и ремень втянулся назад, освобождая меня. – Точнее, чуть не рехнулась, пока считала тебя пропавшим без вести! Спасибо, что избавил меня от необходимости оправдываться перед сестрой, но я лучше пойду.

Дверца снова поехала ввысь, но не доехала: Гроу ударил по панели раньше, чем она успела подняться хотя бы до середины. После чего запечатал нас внутри блокировкой, при-

ложив большой палец к сенсору.

– Никуда ты не пойдешь, Танни.

В его голос ворвались те самые интонации, которые звучали, когда он говорил с Леоной, а зрачок напоминал не то иглу, не то лезвие. Пламя, плеснувшее в меня, заставило задохнуться от смешанных чувств. Дикое, ни с чем не сравнимое влечение, которого я никогда раньше не испытывала, и почти звериная ярость.

Сумасшедший, полыхающий зеленью взгляд.

Гроу почти касался моих губ своими, и когда подался назад, из меня словно вытянули дыхание. Я видела, как зелень в темных глазах то набирает силу, то гаснет, и от этих перемен меня саму знатно потряхивало.

– Я тоже чуть не рехнулся, когда узнал, что ты сбежала в налет, – произнес он, не отпуская моего взгляда. – Эти придурки, твоя охрана, позвонили мне, и…

Вместо продолжения Гроу разблокировал управление и потянул пальцами шкалу набора высоты. Флайс на удивление плавно взмыл ввысь.

– И? – переспросила я.

– Это случилось за пару секунд до того, как меня арестовали.

Арестовали?!

– За что?!

– Как бы за нарушение общественного порядка во время налета.

Я чуть не подавилась воздухом, а Гроу продолжил.

– Видите ли, им была не нужна моя помощь. Мать их, у них город рушился, драконы орали от боли, а этот дебил орал мне в лицо, что я гражданский.

Видеть его глаза я сейчас могла только через зеркало заднего вида, и огня в них меньше не становилось. Напротив: с каждым мгновением яростная зелень пламени вытесняла цвет человеческой радужки.

– И что я должен валить в убежище. В конечном итоге я сказал ему, что он может валить сам, и меня попытались скрутить.

Только сейчас я заметила запекшуюся кровь у него на скуле, прикрытый растрепавшимися волосами кровоподтек выползал из-под темных прядей. В общем, дальше можно было не продолжать, потому что я приблизительно представляла, чем может закончиться попытка скрутить Гроу, когда он этого не хочет.

– Поэтому вместо того, чтобы помогать, я весь налет сидел за решеткой.

Последнее он вытолкнул из себя через силу, и я понятия не имела, какой ценой ему дались такие слова. В меня странным образом ворвались смешанные чувства: ярости, боли и какой-то дикой, звериной тоски, а я приросла к креслу. Защищаться я умела отлично, но что делать в таких ситуациях просто не представляла, поэтому предпочла сменить тему.

– Что случилось с драконами?

– Не знаю, – он покачал головой. – Полная хрень, если верить собственным чувствам.

– Ты можешь их чувствовать?

– А как же. Я не только могу их чувствовать, я чувствую то же, что и они. С тех пор, как мы связали себя кровью, прошло дохрена времени, но суть от этого не меняется. Мы по-прежнему их чувствуем, поэтому меня знатно крыло перед налетом. Я думал, что все дело в моем дерьмовом характере, ан нет.

Я потеряла нить рассуждения после слов «связали себя кровью». Не его нить, свою, но сейчас, кажется, поняла, чем меня озарило.

– Подожди… но если вы их настолько чувствуете…

– В современном мире привыкли полагаться на системы слежения, а зря. Во времена Даармархского доверяли собственному чутью, и чем сильнее было это чутье, тем целее был твой народ. Сейчас мы все замешаны на электронике и технологиях. Из того, что мне удалось узнать, системы слежения Зингсприда были взломаны, поэтому налет не удалось предотвратить. То есть когда драконы обрушились на границу, было уже слишком поздно, стянуть вальцгардов не успели. Обезумевшие от боли звери ломились за щит, невзирая на то, что с ними творилось в городе.

Я обхватила себя руками: не потому, что Гроу слишком сильно включил кондиционер, а потому что вспомнила лежавшего на земле дракона.

– Много их…

– Много.

– Мне жаль.

Слова вырвались у меня, настолько скупые, что вряд ли могли передать то, что я сейчас чувствовала. Но судя по тому, как Гроу на меня посмотрел, судя по раскрывшемуся вертикальному зрачку, это он почувствовал тоже.

– Леона приедет во второй половине дня, – внезапно сказал он. – Но встретитесь вы скорее всего вечером.

– Мне все равно, – буркнула я.

– Не все равно. Она злится на себя гораздо больше, чем на тебя, Танни. Поэтому как бы тебе ни хотелось ее прибить, имей это в виду.

Прибить ее мне действительно хотелось.

– Она не сказала, что с тобой все в порядке, – сдавленно пробормотала я.

– Со мной все в порядке.

– Но я этого не знала.

– Тем, кто стоит у власти, приходится принимать сложные решения.

– С чего ты вообще ее защищаешь?

– Не защищаю. По большому счету, мне вообще до нее нет дела.

– Но?

– До тебя есть.

Я взглянула на него, чтобы перехватить короткую волну

ударившего в меня пламени, потом Гроу быстро отвернулся.

– Откуда ты знаешь, что она приедет?

– Говорил с ее братом.

Пару мгновений залипания стоили мне ответа, потому что Гроу продолжил:

– По его приказу меня отпустили. Рингисхарр вообще на редкость адекватный тип. Даже странно, что ему удалось стать правящим.

– Не очень-то ты доверяешь правящим, – фыркнула я.

– Я вырос рядом с ярчайшим представителем этой породы.

Я пожевала губы, не представляя, что на такое ответить. Небо над Зингспридом медленно светлело, открывая новый день для города, который начнется уже совершенно не так, как все представляли.

Леона приедет во второй половине дня.

Разумеется, приедет. Первая леди должна быть там, где случилась трагедия, особенно когда правящий пострадавшего города – ее брат.

Опустила взгляд на панель управления, где поверх датчиков заряда аккумулятора мигало время и дата. Суббота, шесть утра.

Суббота!

– А заседание?! – вырвалось у меня. – Его перенесли?

Ноздри Гроу шевельнулись, он резко повернулся ко мне.

– Откуда ты знаешь про заседание, Танни?

Да ну…

– А не должна? – поинтересовалась я. – Мелора пыталась сбросить меня с башни, то есть с балкона. Мне как-то хотелось конкретики по этому делу.

– Гм, – сказал Гроу и отвернулся, а я мысленно дала себе пинка.

Во-первых, вопрос был риторический: разумеется, заседание перенесли, а во-вторых… во-вторых, надо думать перед тем, как говорить. Потому что сообщать Гроу о том, что я собираюсь сделать, в мои планы пока не входило, и что-то мне подсказывало, что в восторге от этого он не будет. Особенно после случившегося.

Но пара лишних лет таэрран…

М-да.

Не знаю, к сожалению или к счастью, но мы прилетели. Опустились на парковку одной из тех элитных высоток, которые выстроились иглами на второй линии вдоль побережья. Отличались они этажностью и изобретательностью архитекторов: наша, например, напоминала закрученную спираль или модель ДНК в стекле. Вспомнилось, как я пырилась на нее, гуляя по пляжу с десяток лет назад, когда впервые приезжала сюда с Леоной и Рэйнаром. Как будто в другой жизни все это было.

Так, все.

Пока не высплюсь, не буду думать о Леоне.

Вообще ни о чем думать не буду.

– А ее ветром не сдует? – поинтересовалась я, глянув за ограждение.

– Не сдует, – пообещал Гроу. – Во время штормов и ураганов включается силовой щит.

Могу себе представить, сколько здесь стоит квартирка.

Точнее, не могу.

Флайс вальцгардов опустился на свободное парковочное место, угрюмые и мрачные они выкатились на крышу и потопали к нам.

– Может, их отпустить? – спросила я, поглаживая Бэрри, которая откровенно зевала.

Хочу быть как виари.

Напугалась, обиделась – через две минуты уже все в порядке.

– Еще чего, – хмыкнул Гроу. – Во-первых, пусть выгуляют ее, мне в квартире сюрпризы не нужны.

– А во-вторых?

– А во-вторых, хрен ты их отпустишь, пока смена не придет.

Его ноздри по-прежнему едва уловимо подрагивали, а зелень из глаз никуда не девалась. Зрачки то вытягивались в полоски-лезвия, то раскрывались во всю ширину радужки, и тогда у меня начинало едва заметно покалывать кожу. Прежде чем я успела спросить, что это вообще такое, к нам приблизились вальцгарды.

– Это ваше, – Гроу бесцеремонно перехватил ошейник

Бэрри у меня из рук, подталкивая виари к вальцгардам. – Парк внизу, всем доброго утра.

И не дожидаясь ответа, рывком увлек меня к лифтам.

Нет, я конечно понимаю, что он злится и все-такое…

– А помягче нельзя? – поинтересовалась я, когда мы снова остались один на один.

– Помягче нельзя, – ответил он. – После того, что ты выкинула.

Началось.

– Думаешь, мне весело? – поинтересовалась я. – Весело знать, что из-за меня Рихта и еще двух парней ждет разбирательство?

– У Рихта и двух парней есть свои головы, – заметил Гроу. С ним вообще творилось что-то странное, потому что таким спокойным я его еще никогда не видела. То есть спокойным после такого. Я бы сказала, неестественно спокойным. – Что касается парней, они вообще могли набрать ближайший наряд и сказать: вытащите блохастую из такой-то квартиры в убежище. Все, проблема была бы исчерпана.

– То есть ты не считаешь, что я поступила неправильно?

Лифт щелкнул, раскрывая двери. Просторный холл уже был залит восходящим солнцем, притаившиеся по углам кадки с зеленью стали единственными свидетелями емкой характеристики:

– Я считаю, что ты заслужила хорошую трепку.

На этой оптимистичной ноте меня втащили в квартиру,

холл которой немногим уступал общему. Впрочем, это была последняя мысль, которая успела оформиться в моей голове, потому что меня толкнули к стене, запечатав между рук и обжигая звериным взглядом. Не только взглядом, в меня словно потоком ворвалась его сила, заставляя все волосы на коже вытянуться пружинками, дыхание сорваться, а желудок – бодрячком подкатить к горлу.

– За то, что рисковала собой, – прорычали прямо в лицо. – Поэтому пожалуйста, Танни, будь хорошей девочкой. Не зли меня еще больше.

Не зли меня еще больше?!

– Я ее спасала! – выдохнула, мотнув головой в сторону входной двери, за которой где-то там в парке сейчас выгуливали виари.

– Только поэтому я с тобой сейчас разговариваю. Потому что тоже считаю, что бросать друзей в беде нельзя. А теперь смотри мне в глаза.

Учитывая, что я и так смотрела ему в глаза, последнее было излишним.

Равно как и то, что я почти не могла пошевелиться, чувствуя, как искрящее внутри напряжение протягивается по венам резкими ударами сердца.

– У меня интоксикация пламенем. Такое очень редко, но случается. – Гроу говорил медленно и очень спокойно, и кажется, только сейчас я начинала понимать, почему: боялся сорваться. – Случается, когда было общение с драконом, но

впоследствии силу долгое время приходилось удерживать в бездействии, как произошло во время ареста. Поэтому сейчас я пойду в душ, а ты будешь сидеть на первом этаже и ждать, пока я выйду. Там вода, мне станет легче. Ты не зайдешь ко мне, что бы ты ни услышала, это понятно?

– Понятно, – тихо сказала я.

Понимая, откуда все эти чувства: продирающая до дрожи звериная ярость и боль.

– Надеюсь, – он оттолкнулся от стены и направился в сторону лестницы, уводящей на второй этаж двухуровневой квартиры. Махнул рукой: – Кухня там. В холодильнике даже есть что пожрать.

Он это сейчас серьезно?

То есть он сейчас серьезно думает, что после слов «у меня интоксикация пламенем», после всего случившегося, я сяду у него на кухне и буду жрать?!

Наверху хлопнула дверь, и только тогда меня отпустило.

Я сделала пару шагов в сторону кухни и остановилась.

Нет, сидеть на кухне я тоже не буду.

Гостиная у Гроу оказалась огромной, но я пересекла ее в два шага, а точнее, в два удара сердца. Положила руку на перила, чувствуя, как от ладони пульс вбивается до самой груди.

Интоксикация пламенем.

Я не представляла, что это такое, и представлять не хотела, но точно знала, что не хочу оставлять его с этим один

на один. Найти ванную труда не составило: точнее, я просто толкала все двери подряд, пока не нашла нужную. Нужная открыла мне валяющуюся на полу рубашку и спину Гроу. Мощную, под смуглой кожей перекатывались напряженные мышцы.

Реакция у него была отменная: вдох – и вслед за яростным взглядом в меня врывается ярость пламени, оглушая, отбрасывая назад все лишнее, кроме одного-единственного желания. Быть со стоящим рядом со мной драконом единым целым.

Выдох – и вместо пламени я чувствую пустоту.

– Ты сказала, что все поняла, Танни.

Это уже не голос человека, это рычание зверя, и вертикальный зрачок, объятый пламенем, гипнотизирует.

– Я не сказала, что не пойду за тобой.

Между нами было несколько шагов, и я сделала первый.

– Ты понимаешь, что творишь? – процедил он. – Ты понимаешь, что зверь воспринимает тебя как самку?

– А ты? – я сделала еще шаг.

Может, это и было глупо, но я слишком долго убегала, чтобы сейчас просто уйти.

– Танни, – хрипло произнес он. – Уходи. Еще пара секунд – и я тебя уже не отпущу.

Еще шаг – и я уже могу дотянуться до его лица.

Касаюсь резкого подбородка, чувствуя под пальцами жесткую щетину.

И так же хрипло выдыхаю:

– Не отпускай.

А потом рывком подаюсь вперед и впиваюсь губами в жесткие губы.

Не отпустил.

Одно движение – и меня уже вжимают в стену. Губы тоже не отпуская, выпивая выдохи, возвращая вдохи, прикусывая кожу, из-за чего по телу проходит волна сумасшедшей дрожи, вслед за которой в меня врывается огонь.

Заставляя всхлипнуть и податься вперед.

Еще ближе, еще острее, еще ярче.

На миг, когда Гроу прерывает поцелуй, воздух течет по горящим губам жидким льдом. Этот миг кажется безумно длинным: миг, когда мой пульс бьется в браслеты его ладоней. Мои руки он тоже вжимает в стену, впиваясь в меня совершенно звериным взглядом. Пламя течет сквозь него, окутывая меня струящейся дымкой, заставляя соски стянуться плотными твердыми горошинами.

Он это замечает – взглядом скользнув по вырезу моего платья перед тем, как раскрыть мой рот новым глубоким поцелуем. И в этот раз места дыханию уже не остается: губы обжигает укус, и я кусаю в ответ, слыша утробное рычание, рвущееся из груди. Из моей, из его – непонятно.

Есть что-то совершенно безумное в том, чтобы целоваться, не закрывая глаз.

Безумно и невероятно притягательное, потому что когда

его зрачки раскрываются на полную, я вжимаюсь бедрами в его пах. Вжимаюсь так сильно, что даже сквозь платье и джинсы чувствую каждую клеточку его пресса, всю твердость его желания, вдоль которого скольжу, слегка приподнимаясь на носки.

Вверх.

И так же резко вниз, срывая теперь уже точно его рычание, эхом отзывающееся во мне. Пальцы на моих запястьях сжимаются сильнее, по губам снова скользит ледяной воздух. Впрочем, сейчас мне уже не до льда, потому что во мне пламя. Пламя живое, бегущее по венам, бегущее сквозь нас.

– Любишь дразниться? – хрипло произносит Гроу.

Меня подхватывают под бедра раньше, чем я успеваю не то что ответить – вздохнуть.

Одно движение – и мы становимся единым целым под выдох-рычание-крик или стон, разделенный на двоих. Резкий рывок назад, от которого из меня словно выходит воздух, и Гроу тоже.

Почти.

Этого «почти» хватает, чтобы я слегка подалась вперед, и пламя скользнуло вдоль стен.

Вдоль стен, по нам, по душевой, или мне это просто кажется, потому что я по-прежнему смотрю в эти сумасшедшие глаза, и мир вокруг окрашен в зеленый. Дымчатые ленты вьются над нами в воздухе, полосуя заполнивший ванную комнату пар, а я кусаю губы от дикого, звериного, почти бо-

лезненного наслаждения. Нашего общего, которое я читаю в раскрытых во всю радужку зрачках.

Что-то шипит, раздается какой-то скрежет, но мне уже не до него.

Пламя течет по коже, впитываясь в меня, как вода в губку, и от этого срывается дыхание. Хочется кричать, и я кричу, впиваясь ногтями в плечи Гроу, сжимая пальцы на влажных темных прядях. Кричу на каждом движении врывающегося в меня пламени.

На каждом движении.

Впиваюсь в губы напротив моих с такой яростью, словно от этого зависит моя жизнь.

Короткая вспышка боли. Скольжение языка по губам. Обрыв.

Стена за моей спиной каким-то чудом остается холодной, но обжигает ничуть не меньше ладоней под ягодицами.

Ничуть не меньше пальцев, жалящих кожу жестким прикосновением.

Сумасшедший контраст льда и пламени, от которого перед глазами все плывет, а напряженные плечи под моими ногтями становятся просто каменными.

Сумасшедший ритм, в котором я давно уже потерялась, перестала быть, стала чем-то… или кем-то новым рядом с ним.

И он, кажется, тоже, потому что обжигающее щеку дыхание течет по скуле, протягивает за собой по коже его шепот:

– Тан-н-н-иии. Моя несносная Тан-н-ннниии…

В срывающемся ритме это ударяет ничуть не слабее пламени, и удовольствие, собирающееся тугим жаром внизу живота, идет по нарастающей. Волной изумрудного цвета, высотой, которая накроет меня с головой и утащит на дно, откуда одной не выбраться.

Но я ведь больше не одна, правда?

Поэтому не отказываю себе в удовольствии прошептать:

– С Днем Рождения, Джерман.

Глядя ему в глаза.

Сильнее сводя ноги на его бедрах и сжимаясь… тоже сильнее, отпуская себя в полыхнувший взгляд, как в эпицентр шторма.

Волной меня все-таки накрыло, ударом, сильным и резким.

Огненной пульсацией, рычанием в губы, моей дрожью и его дрожью – в ответ.

Дрожью, бьющей в меня вместе с освободившимся пламенем, накатывающей наслаждением снова и снова, до одури, до мельтешащих перед глазами искр и странного, рассыпающегося металлом и стеклом звона в ушах.

Кажется, я снова кричала, и кажется, на этот раз его имя.

Впиваясь ногтями в его плечи, и подаваясь навстречу снова и снова. Горящие от поцелуев губы обожгло, а пламя, лизнув потолок, обрушилось на нас всей своей мощью.

Содрогаясь в кольце сильных рук, я цеплялась за взгляд

Гроу.

Цеплялась, пока языки пламени таяли в воздухе под ритмичные удары сердца. Пока сквозь рассеивающийся пар, все еще подрагивающая, прижатая к стене сильным телом, я не увидела душевую кабину. Ее очертания выступали из дымки, как водный дракон из стелящегося над океаном тумана.

Цеплялась, пока он не подался назад, позволяя мне осторожненько сползти на пол, но по-прежнему придерживая за талию.

Цеплялась, пока не вернулась в реальность вместе с ним, пока зелень из его глаз не вытеснил простой цвет человеческой радужки. В эту минуту Гроу посмотрел мне в глаза и сказал очень выразительно и отчетливо:

– Когда-нибудь, Танни, я тебя убью.

Да, это определенно именно то, что я хотела сейчас услышать.

Впрочем, озвучить свои мысли я не успела: сейчас, когда пар окончательно рассеялся, я отчетливо увидела душевую кабину. Которой было очень нехорошо: часть стены выломана вместе с душем, стекло осыпалось и лежит аккуратной горкой, из трубы хлещет вода (судя по всему, пар был именно от нее).

– Упс, – сказала я. – Это что, мы закипятили водичку?

То есть сейчас она, кажется, уже была не горячая. Я надеюсь. Потому что лужа медленно, но верно, подбиралась по дорогущей плитке к нашим ногам.

– А ты как думаешь? – огрызнулся Гроу и переставил меня подальше.

После чего подтянул джинсы и направился к кабине, смачно хрустя осколками под подошвами. Пока он перекрывал воду, на меня напал ржач. То есть самый настоящий ржач: я стояла и давилась смехом, который пер из меня, как пар из несчастной трубы, и только когда Гроу обернулся ко мне, плотно сжала губы.

– По-твоему, это смешно, Танни?

– М-м-м-м… – я кивнула.

Выражение лица режиссеродракона (сейчас именно в таком порядке), внушало серьезные опасения, но несмотря на это, я не могла перестать давиться смехом. У меня даже слезы на глаза выступили.

– Тан-на, – процедил он, шагая ко мне.

– Скажи это еще раз, – попросила я, проглотив сдавленный «хихик».

Вместо ответа ко мне подошли рывком, и так же рывком вздернули в воздух, перекидывая через плечо. Подобное обращение отозвалось не самыми приятными ощущениями там, где только что было очень приятно, поэтому:

– Ай, – сдержать не получилось.

– Что – ай? – рыкнул Гроу, вынося меня из раздолбанной ванной и пинками сбивая с ног мокрые ботинки, чтобы не следить.

– А ты как думаешь? – огрызнулась я, испытывая желание

укусить его за ухо.

– Рядом с тобой я не знаю, что и думать.

– У меня, знаешь ли, десять лет не было секса, а ты перекинул меня через плечо, как мешок корма для Бэрри.

Слова вырвались раньше, чем пришло осознание сказанного, но сказать это определенно стоило: хотя бы ради того, чтобы увидеть его лицо. Опустили меня на пол уже гораздо более аккуратно, и недоумение, отразившееся в темных глазах, тут же сменилось прищуром.

– Ты вообще чем думала, когда ко мне пришла?! – рыкнул Гроу.

– Рядом с тобой у меня думать не получается, – хмыкнула я. – Потому что ты либо орешь, либо издеваешься, либо обещаешь меня убить. В драгоценные моменты твоего адеквата я вообще теряюсь, потому что как вести себя с нормальным Джерманом Гроу, ни в одном пособии по общению с драконоподобными не написано.

– Кто бы говорил про адекват, – процедил он.

Но на этот раз на руки меня поднял уже гораздо более бережно. И наверное, я даже не хотела вырываться и заявлять, что пойду сама.

– Куда мы идем?

– В другую ванную.

– Ее доламывать?

Я прикусила губу, потому что под тяжелым взглядом Гроу смех съежился и заполз обратно. Здравый смысл, видимо то-

же.

– Слушай, так тебе, получается, кофемашина не нужна? Бросил перемолотые зерна, плеснул водички, стоишь-помешиваешь, а из-под пальцев пар идет?

– Танни, это не шутки, – произнес он. – Интоксикация действительно очень опасна. Я удержался, но если бы зверь перехватил контроль…

– Но он не перехватил, – я коснулась пальцами его подбородка. – И теперь никакой интоксикации нет, насколько я поняла. Тебе хорошо, и мне хорошо. Всем хорошо.

Гроу скрипнул зубами и толкнул ближайшую дверь плечом.

Эта ванная была чуть поменьше, но по оформлению (черное с платиной), мне понравилась даже больше. Дальнюю стену, у которой стояло джакузи, сейчас закрывали жалюзи, и мне вдруг стало интересно.

– Там панорамное окно?

– Ага.

Гроу поставил меня на пол, скользнув пальцами по ягодицам.

– Не соврала, – хмыкнул он. – Белья и правда нет.

– Такими вещами не шучу, – гордо ответила я, понимая, что прикосновения его пальцев сейчас носят отнюдь не невинный характер. Платье поползло вверх, Гроу вниз, а потом я задохнулась от прикосновения его губ, заставивших содрогнуться от дикого, ни с чем не сравнимого удоволь-

ствия.

Мне казалось, что оно во мне кончилось, выгорело под напором льющегося сквозь меня пламени, но нет. Сейчас под движениями его языка и губ во мне зарождалось новое, мое собственное, заставляющее цепляться за полотенцесушитель, холодный металл которого обжигал пальцы.

В тот момент, когда я содрогалась от почти нежных, болезненно-сладких спазмов, искрами рассыпающихся от низа живота по всему телу, по квартире разнесся звонок. Гроу оторвался от меня, не отказав себе в удовольствии последней короткой ласки, заставившей меня выгнуться дугой, после чего поднялся.

– Блохастую привели, – сказал он. – Пойду встречу.

Глядя в потемневшие глаза, цвет которых сейчас напоминал цвет столь любимого им кофе в бесконечно черной чашке, я с трудом удержала сдавленный стон.

– Ненормальный, – выдохнула.

– Чокнутая, – не остался в долгу он. – В душ. И спать.

В душ действительно хотелось, я давно не чувствовала себя настолько опустошенной… и полной одновременно. Эта странная двойственность и заставила расстегнуть платье, позволяя ему серебристым пеплом осыпаться на уголь плитки, а после шагнуть в кабину. Внутри все до сих пор сладко сжималось даже от воспоминаний, но помимо этого мне отчаянно, дико не хватало огня.

То короткое время, что сила Гроу проникала в меня, тек-

ла по венам, заставляя кровь кипеть, сейчас казалось невыносимо далеким и отчаянно-желанным. Интересно, когда во мне проснется огонь, этой пустоты больше не будет?

Я вскинула ладонь и пошевелила пальцами.

– Слушай, ты, – сказала я. – Если ты ждал времени, чтобы проснуться, то вот оно.

Поводила ладонью туда-сюда.

В том, что во мне есть огонь, я уже не сомневалась: иначе вряд ли я могла бы так ярко чувствовать рядом с Гроу. Нет, не так: иначе вряд ли я могла бы так чувствовать нас.

Бегущее по коже пламя, не обжигающее, а разогревающее.

Раскаляющее изнутри, доводящее эмоции и чувства до той грани, когда они становятся почти звериными.

– Давай, засранец. Хотя бы искорку, ну?

Искорки мне не дали, и я, подрыгав пальцами и потерев ладони друг о друга, эту затею оставила. Как бы там ни было, этим точно лучше заниматься не в одиночестве.

Впрочем, в одиночестве мне побыть не удалось: Гроу вернулся и решил не ждать, пока я закончу. В общем, как-то так получилось, что вышли из душа мы далеко не сразу, а когда вышли, в голове у меня уже не было ни одной связной мысли, и колени дрожали. Такую дрожащую меня и отнесли в спальню, где завернули в себя (бесцеремонно протолкнув колено между моих бедер), и в покрывало.

На краю сознания мелькнула мысль, что я вообще-то не

собиралась с ним спать, но спать хотелось безумно. Поэтому под рычание:

– Хватит ерзать, Зажигалка, – и легкую дрожь, прокатившуюся по прихваченной зубами коже плеча, провалилась в сон.

Глава 2. Танни

Из сна я выплыла под резкое:

– … мать!

Впрочем, выплыла – слабо сказано. Вынырнула как поплавок, от которого отцепили грузик, и теперь он покачивался на волнах, пытаясь понять, что с ним происходит. В отличие от поплавка, я все вспомнила быстро, особенно когда уткнулась носом в аромат сигарет и кофе, читай, в соседнюю подушку. Владелец подушки стоял у панорамного окна, сверкая подтянутой задницей и сжимая в руке мобильный с такой силой, словно собирался запустить им в стену.

– Сколько времени? – спросила я, приподнимаясь на постели.

Знаю, не лучший вопрос, но лучшее из того, что сейчас пришло мне в голову.

– Два часа, – Гроу обернулся, швырнул телефон в кресло и подошел ко мне. – Разбудил?

– Ага.

– Я не специально. Поставил на виброзвонок, но с некоторыми все равно не получается говорить спокойно.

Пока я раздумывала, кто это был, и стоит ли об этом спрашивать (или наши отношения еще не зашли так далеко?), Гроу опустился рядом со мной на кровать.

– Душ у нас теперь один, поэтому я тебя пропускаю.

– Как это благородно с твоей стороны.

– Ты даже не представляешь, насколько.

Он посмотрел на меня так, что я поняла: если сейчас не слиняю в душ, быть мне безжалостно тр… гм, в общем, из спальни меня одну не выпустят, а у меня и так после долгого воздержания и физических нагрузок определенного рода все натурально побаливало. Напомнив себе об этом, я быстренько завернулась в простыню и слиняла раньше, чем успела задуматься о его губах и утреннем поцелуе.

Хотя правильнее будет сказать, дневном.

Спали мы от силы часов шесть, но я почему-то чувствовала себя бодрячком. Таким бодрячком, каким не чувствовала уже давно, в связи с чем возникало несколько животрепещущих вопросов. Например, о том, что мне делать дальше. Нет, секс действительно вышел феерический, и если не считать того, что после мы вместе заснули, все было просто отпад. Тем не менее мы действительно заснули вместе, и как с этим быть, я не знала. Наверное, это все-таки больше, чем секс.

Самую малость.

И что дальше?

На этой мысли я прибавила душ, подставляя ладонь под подачу шампуня, и чуть ее не отдернула, когда мне в ладонь плюхнулась кремообразная масса.

Нет, я всерьез думаю о будущем с Гроу?!

От того, чтобы врубить холодную воду, меня удержал

только инстинкт самосохранения (не хотелось опять ходить с красными носом и лепить пластинки на горло).

Из душа я вышла в глубокой задумчивости, причина которой возлежала на постели, не потрудившись даже прикрыться, и что-то остервенело набивала на планшете. Впрочем, стоило мне появиться, планшет тут же отложили.

– Соскучилась, Зажигалка?

Р-р-р!

– Не передать как, – хмыкнула я. – В этом доме халаты вообще водятся?

В ванной я халата не нашла, только мое платье, по-прежнему лежащее на полу, но разгуливать в вечернем платье не первой свежести (единственном, которое выжило, кстати) не представлялось возможным. Стоило вспомнить про налет, как меня продрало ознобом, я не обхватила себя руками исключительно потому, что не хотела выдавать свои чувства.

– Нет. Но все мои рубашки к твоим услугам, – Гроу тут же поднялся, пересек комнату и открыл шкаф.

Приближаться к голому драконорежиссеру я посчитала стратегически неверным, поэтому сложила руки на груди.

– У тебя нет ни одного халата?

– Зачем они мне?

Действительно, зачем.

– Ладно, – сказала я. – Иди в душ.

Гроу приподнял брови:

– Уже командуешь, Зажигалка?

– А тебя что-то не устраивает?

– Да нет, я в экстазе. Ты главное кофе не забудь сделать, пока я буду мыться.

Че-го?!

– С перцем? – уточнила я.

– Не сомневаюсь в том, что ты любишь погорячее.

На ходу меня шлепнули по заднице: в основном по полотенцу, но зацепив пальцами кожу бедер, которая от этого прикосновения вспыхнула. И вовсе не от удара, а от воспоминаний, на которые моя озабоченная сущность мигом отреагировала всем телом.

– Эй! – запоздало рыкнула я в режиссерскую спину.

– Мне без сливок, – невозмутимо отозвался он.

– Я делаю самый дерьмовый в мире кофе.

– Это все потому, что тебе некому было его готовить. Кстати, твоя блохастая в печали на кухне, твоя охрана купила ей корм и миски, но я ее не кормил.

Бэрри!

– Твой клатч там же, – это было последнее, что я услышала перед тем, как Гроу скрылся за дверью ванной.

Угу.

Сбросив полотенце, я развернулась к шкафу и выбрала рубашку подлиннее (как мне казалось). На самом деле она едва прикрывала ягодицы и бедра, поэтому пришлось топать к душевой и, приоткрыв малюсенькую щелочку, интересоваться:

– Можно одолжить твой планшет? Мне нужно заказать себе одежду.

И много чего еще, но об этом я решила пока не думать.

– Не вопрос. Пароль Гайер414врозовомтрико. Гэ с большой буквы.

– Ты сейчас так пошутил?

– А ты проверь.

После проверки я поняла, что еще многого не знаю о Гроу, а богатая фантазия художника по спецэффектам к трико добавила балетную пачку. Тряхнув головой, я с планшетом подмышкой спустилась вниз, где на кухне и впрямь лежала печальная Бэрри. Очень печальная Бэрри: уткнувшись носом в угловые шкафчики, она даже не пошевелилась, когда услышала мои шаги.

– Бэрри, – виновато сказала я, опустившись рядом с ней. – Бэрри, ну прости, меня просто вырубило, правда.

Тяжкий вздох.

– Бэрри! – потянулась, чтобы ее погладить, но виари дернула головой. – Бэрри! Еда!

Тишина, только дернулся кончик хвоста.

Вздохнув, распечатала корм (огроменный пакет, вальцгарды не поскупились), насыпала корм в одну миску, во вторую налила воды и направилась к кофемашине. Агрегат фирмы Ваджарс – лидер по производству элитных и дорогущих кофемашин, ехидно взирал на меня, подмигивая огоньками спящего режима.

– Ладно, чудовище, – сказала я. – Давай ты сделаешь чуть менее дерьмовый кофе, чем обычно, когда я к нему прикасаюсь.

Удивительно, но сейчас мне действительно захотелось приготовить нормальный кофе. Впервые в жизни я задумалась об этом и словах Гроу на тему, что раньше мне было не для кого его делать. А вдогонку еще и о том, что он поставил мобильный на виброзвонок, чтобы меня не будить.

Ото всего этого голова шла кругом, поэтому я предпочла сосредоточиться на готовке кофе. Кухня была огромная, не в пример моей, я даже не представляла, сколько буду искать зерна, но открыв дверцу шкафчика над кофемашиной, сразу же их обнаружила.

Отлично.

За спиной раздался хруст, и это тоже было отлично, потому что Бэрри принялась за еду. Сейчас поест, подобреет, мы с ней погуляем и помиримся. Хотя… нет, не погуляем, мне не в чем.

Осознание этого заставило меня ускориться, и когда кофе можно было отпустить в свободное плавание, я уселась на барный стул, подтянула к себе планшет и клатч (к счастью, документы и карты всегда были со мной).

Первым делом открыла сайт с бельем, наспех накидала в корзинку знакомые модели от знакомых дизайнеров, выбрала «срочную доставку» и залипла на рекламе. Соблазнительное белье меня раньше в принципе не привлекало, но сей-

час я не могла отвести от него взгляд. Кликнула по баннеру и залипла повторно. Эффектная новинка, стоящая как… ну пусть будет как оборудование для спецэффектов, которое мне тоже вскоре придется заказывать – так вот, комплект – пепельное кружево с нежнейшими белыми вставками, прикрывающее все, что должно быть прикрыто, но не больше, не отпускал.

Интересно, Гроу понравится?

– Супер.

Да чтоб тебя!

Я подскочила на стуле и чуть с него не свалилась, не свалилась только потому, что сзади оказался Гроу, и я впечаталась в его грудь.

Когда только успел подкрасться?

– Одеться не хочешь? – поинтересовалась я, потому что из одежды на нем было только полотенце. – И вообще, подглядывать нехорошо.

– Не хочу. Обожаю подглядывать, Танни.

Последнее он произнес, положив руки мне на бедра. Да-а-а, белье мне точно нужно.

Срочно!

– Ты кажется, кофе хотел? – фыркнула я.

Стараясь сосредоточиться на кофе, а не на том, как его дыхание течет по моей коже искрами.

– Все еще хочу.

Мы сейчас все еще про кофе?

– Вот! – я вскинула руку, указав на кофемашину, которая зашипела, готовясь плеваться в чашки тем… в общем, тем, что у меня получилось.

– А как насчет за мной поухаживать?

От такого заявления я поймала свою челюсть на подлете к столу.

– Я тут занята немного, – хмыкнула, чтобы скрыть очешуение.

– Сексуальным бельем, я вижу.

– Вообще-то не только. Я собиралась искать квартиру.

– Перебьешься, – заявил драконорежиссер, отнимая у меня планшет. А потом добавил: – Тем более что в ближайшее время я переезжать не планирую.

Э-э-э… то точно было не совсем то, что я ожидала услышать, поэтому вывернулась из рук Гроу и пошла ухаживать. То есть подавать кофе, пока он еще не остыл и не превратился в самую дерьмовую помойную бурду в мире.

Развернулась с двумя чашками и снова чуть не влетела в Гроу.

Да что ж за идиотская манера такая, подкрадываться! И как он только так ходит?

– Подсластители, специи, соль? – поинтересовалась как бы между прочим.

– Поцелуй, – заявил он, и прежде чем я успела икнуть, перехватил меня за талию, целуя в губы.

Танцуя на перилах, я не раз чувствовала себя акробаткой,

но вот жонглером – ни разу. До этого дня. Потому что удержать две чашки на вытянутых руках, когда тебя целуют: глубоко, яростно, а из преграды между тобой и одним озабоченным драконом только полотенце и тонкая ткань рубашки – задача не из легких.

В целом и общем, я с ней справилась, даже дыхание не сбилось.

Почти.

А то, что я облизнула губы, когда он отстранился, и что по телу прошла дрожь – так это так, ерунда.

– Значит, кофе, – перехватив чашку из моих рук, он сделал глоток и даже не скривился.

Видимо, после забубенистого коктейля «перцовый атас» уже ничего не страшно. Тем не менее свой кофе я пробовала осторожно, и, честно говоря, удивилась. Потому что в отличие от всего, что я готовила раньше, этот можно было пить.

– Кофе, – зачем-то повторила я, снова опускаясь на стул и подтягивая босые ноги на перекладину.

– Как лодыжка?

– Жива.

В общем, ее даже не дергало, припухлости тоже не наблюдалось.

– Хорошо, что жива, – хмыкнул Гроу. – Насчет ключей…

– Слушай, я не могу так просто остаться жить у тебя.

Ну вот. Не так уж сложно было это сказать.

– Почему?

Чешую мне в рот!

– Потому что я не готова, – я покрутила чашку в руках. – Мы в общем… как-то совсем недавно чуть ли не подрались…

– Ты – моя девочка, Танни. Не вижу причин жить раздельно.

Не девчонка, и на том спасибо.

– А тебе в голову не приходило, что мне надо привыкнуть к статусу твоей девочки?

– Это не статус, это тяжелая повинность, с обязательной отработкой по ночам.

После такого заявления я поперхнулась и чуть не выплюнула кофе обратно. К счастью, не выплюнула.

– А если серьезно?

– А если серьезно, – Гроу открыл шкафчик и вытащил запасные ключи. – Вот. Это твое.

– Мне надо заказать обувь, – сказала я, принципиально не глядя на карточки, лежащие на столе.

Гроу приподнял брови, тем не менее подтолкнул ко мне планшет. Он проехался по столешнице и чуть не свалился на пол, что касается меня, я сама с трудом удерживалась от того, чтобы не свалиться на пол. Не столько от заявления Гроу, сколько от своих мыслей на тему, что это, в общем-то не такая плохая мысль.

Нет, это очень плохая мысль!

Очень-очень плохая.

Просто самая плохая изо всех, которые только можно себе представить!

Осторожненько отставив кофе, я подхватила планшет и открыла свой любимый обувной магазин, откуда у меня была вся обувь в принципе. Наспех выбрала несколько моделей, пару раз промахнувшись с размером (потому что под пристальным взглядом Гроу было ну очень сложно сосредоточиться), но потом все-таки сделала заказ.

– Танни.

– А?

Гроу подошел ко мне, я бы сказала приблизился – столь стремительно, что я даже спрыгнуть со стула не успела.

– Для меня это тоже… как бы сказать, новый опыт.

– Угумс, – многозначительно ответила я.

По-хорошему, обсуждать такое, когда от взгляда глаза в глаза что-то внутри плавится, а пальцы нестерпимо покалывает от желания прикоснуться к мокрым, тяжелым от воды прядкам, отвести их, повторяя губами этот след… в общем, не самое это верное решение.

– У меня никогда не было желания впустить кого-то в свою жизнь… – Он оперся о столешницу, еще больше сокращая расстояние между нами. – В общем, да, я уже говорил, что когда речь заходит об отношениях, для меня это какой-то новый левел. Но с тобой я хочу попробовать. Именно с тобой, Танни. И предлагаю сделать это вместе.

У иртханов к приказам и огню случайно дар убеждения в

нагрузку не прилагается, нет?

– Обещаю об этом подумать, – выдала я, потому что не представляла, что еще сказать.

Точнее, представляла, но: «Я тоже хочу попробовать вместе с тобой» в моей системе координат уводило в какие-то совсем заоблачные выси. А у меня еще крылышки пока не отросли. То есть недостаточно отросли, чтобы взять такую высоту и безболезненно с нее хряпнуться.

– У тебя есть время до вечера.

– Че-го?

– До вечера, – невозмутимо заявил Гроу.

– Потом приглашение аннулируется?

– Нет, потом я запру тебя в спальне и не выпущу оттуда до тех пор, пока ты не согласишься.

Представив себе, как именно меня будут убеждать, я пробормотала себе под нос емкую характеристику:

– Дракон озабоченный, – после чего поднырнула ему под руку.

– Я не шучу.

– У нас завтра съемки, так что никуда ты не денешься.

– Послезавтра.

– Что?

– Съемки послезавтра, Танни.

Мы переглянулись, и я вдруг поняла, что в его голосе больше нет рычаще-игривых интонаций. За случившимся утром как-то отодвинулось то, что случилось ночью, но оно

никуда не делось. Если не сказать больше: солнце над Зингспридом заливало город, переживший самый страшный налет Аронгары за последние пару столетий. Закусив губу, я смотрела в окно, по контуру профиля Гроу. Черты его лица на миг заострились, снова становясь звериными, кровоподтек и ссадина на скуле сейчас особенно выделялись.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я шагнула к нему, приподнимаясь на носочки и касаясь губами ссадины. Может, огонь во мне пока не проснулся, но во мне было тепло. Тепло, которым я хотела поделиться, без какого-либо подтекста. И то, как он сжал мою руку, сейчас сказало о многом.

Момент нарушила Бэрри: решив, что я уже достаточно наказана невниманием, протопталась по нашим босым ногам, пролезая между нами, и вдобавок ко всему стягивая с Гроу полотенце.

– Мне надо позвонить, – сказал он.

И я кивнула.

– Виу, – заявила Бэрри, мотнув головой в сторону холла.

Проводив Гроу взглядом, почесала виари за ухом.

– Мне не в чем с тобой гулять, пушистая. Пойду узнаю, есть ли кто на базе.

На базе по-прежнему были Единичка с напарником: несмотря на то, что они отчудили, мне даже на миг захотелось пригласить их в квартиру и сварить кофе. Впрочем, я тут же напомнила себе, что во-первых, это квартира Гроу – да, именно так, и никак иначе! А во-вторых, Рон собирался

меня увезти несмотря на то, что я хотела остаться. Несмотря на то, что знал про Гроу и заставлял меня считать его пропавшим без вести.

Последнее вообще как-то резко выключило режим сострадания, поэтому я поинтересовалась:

– Когда будет смена?

– Через два часа.

– Здорово. Если вас не затруднит, – я кивнула на Бэрри.

– Мы не имеем права оставлять пост.

– Сегодня утром вы его оставили.

– Сегодня утром обстоятельства изменились.

– Какие именно? – я вскинула брови.

– Об этом вам расскажет местра Халлоран.

Ладно.

Как знаете.

Я с силой захлопнула дверь, от души, после чего повернулась к Бэрри.

– Придется потерпеть, зверь.

Не просить же Гроу с ней гулять, честное слово.

Хотя… почему бы и нет. Представив себе драконорежиссера, бодро скачущего за Бэрри по дорожкам парка, улыбнулась. С этой улыбкой, не переставая чесать подставленную башку, я и обернулась, чтобы наткнуться на взгляд вышедшего в холл Гроу.

– Это тебя, – он протянул мне мобильный.

– Леона?

– Нет. Ленард.

Ленард!

Я выхватила трубку раньше, чем Гроу успел что-то сказать.

– Ленард! Как ты? У вас все хорошо?

Еще до того, как он ответил, я поняла, что не все. То ли по паузе, которая резанула слух, то ли по выражению лица Гроу.

– В общем, нет… – донеслось глухое из трубки. – Мои родители, Танни… Их больше нет.

Я готовилась ко всему, но к тому, что увидела, оказалась не готова. В одном из срочно организованных волонтерских центров, располагавшемся на первом этаже, люди сидели прямо в коридорах. В том, в чем вышли вчера вечером из дома, в перепачканной сажей одежде, с пустыми, потерянными лицами.

Каждый из них кого-то потерял.

Я старалась об этом не думать, но не могла. Поэтому была искренне благодарна Гроу за то, что не отпускал мою руку ни на минуту, больше того, держал мои пальцы так, словно я собиралась вырываться. Удивительно крепко и в то же время нежно, словно пытаясь через это прикосновение вытянуть из меня весь кошмар, который сейчас творился в моих мыслях. Впрочем, гораздо страшнее было то, что творилось наяву.

Мы остановили девушку-волонтера, которая бежала мимо

нас и пробежала бы, если бы Гроу не перехватил ее за локоть:

– Нам нужен Ленард Харинсен.

Она взглянула на нас так, что я поняла: в ее мыслях все гораздо хуже, чем в моих. Тем не менее выдернула планшет из подмышки и вбила имя.

– Комната 1451А, это самый конец коридора, налево, – быстро выпалила она и побежала дальше.

На нас редко поднимали взгляды, но если честно, мы не сильно выделялись. Я, в рубашке Гроу и его же джинсах, затянутых ремнем, в котором проделали вилкой дыру, потому что делений не хватило. И он, с растрепанными после душа волосами, так и не успевшими высохнуть: услышав голос Ленарда, я поняла, что ждать не буду. Ни секунды, поэтому получилось так, как получилось.

Вальцгарды неотступно следовали за нами, даже несмотря на присутствие Гроу, но мне было не до них. Когда коридор повернул, чуть не сбилась с шага, а потом замерла: дверь в комнату, на которую указала волонтер, была приоткрыта.

И заполнена детьми.

Кто-то плакал, совсем малыши возились в углу с пожилой женщиной, у которой тоже был бедж волонтера. На этом моменте я поняла, что сейчас мне придется расцепиться с Гроу, потому что иначе я просто позорно уткнусь лицом в его плечо и не двинусь с места.

Глубоко вздохнув, отняла руку и шагнула в комнату.

Ленард стоял у окна, его рыжие вихры горели огнем,

несмотря на заливающий комнату яркий солнечный свет. Не представляя, что делать и что говорить, я тем не менее ускорила шаг и приблизилась к нему.

– Привет.

Он обернулся, и у меня перехватило дыхание: от взгляда мальчишки мало что осталось, он словно разом повзрослел на несколько лет. И слова у него были совершенно другие, взрослые:

– Привет. Спасибо, что приеха… ли.

Ленард бросил взгляд за мое плечо, и я шагнула к нему.

– Нам нельзя выходить, поэтому… пока тут, – он кивнул.

– Пока?

– Да, меня должны забрать в интернат. Я, как бы это поточнее выразиться, несовершеннолетний.

Слова, которые он говорил, меня убивали, но еще больше меня убивал его голос: пустой, надломленный, страшный.

– У тебя нет родственников?

– Есть. Тетка, – впервые за все время его губы скривились, выдавая эмоции. – Но она живет во Флангстоне, и ей на меня положить. То есть она собирается приехать через два дня. Так мне сказали. А как будет на самом деле…

Я обернулась на Гроу, и он чуть ли не силой выпер вальцгардов за дверь. Подозреваю, что все-таки силой, потому что на миг все же возникла небольшая заминка, а глаза Единички снова сверкнули алым, отзываясь на звериный огонь. Впрочем, сейчас мне меньше всего хотелось думать

про вальцгардов.

– Я сяду, не возражаешь? – кивнула на островок свободного места, где мы стояли. – Моя лодыжка требует уважения.

Ленард кивнул, и, помедлив, сел рядом со мной. Я подавила желание притянуть его к себе: рано, Танни. Рано.

Сейчас так легко все разрушить…

– Ты почему босиком?

– Моя квартира сгорела, – ответила я.

Ленард широко распахнул глаза:

– Бэрри?!

– Я успела. Теперь мне за это вставят люлей.

– За то, что ты ее спасла?

– За то, что подвергала опасности свою жизнь и жизнь Рихта.

– Он мне ничего не сказал, – мальчик уставился в пол. – Когда я звонил узнать насчет тебя.

– Ну… у него была тяжелая ночь.

– Угу, – тихо сказал он, колупая пальцем что-то на полу.

И снова тишина.

Я понимала, что мне надо вытряхнуть его из нее раньше, чем он окончательно уйдет в себя, но не представляла, как.

– Гроу подрался, – сказала я.

– Тоже мне новость, – фыркнул Ленард, но глаз так и не поднял. – С кем на этот раз?

– С каким-то парнем, который сказал, что его помощь не требуется.

– Ну разумеется, – процедил мальчик, сжимая кулаки. – Помощь им не требовалась, а когда Хрустальная игла рухнула…

Он осекся, но потом продолжил. Торопливо, словно пытаясь вытолкнуть из себя слова раньше, чем они будут заморожены в нем навечно.

– Они пошли туда, Танни. У них должен был быть юбилей… двадцать лет, как они женаты. Ты даже не представляешь, какие счастливые. Мама… она была такая красивая, а отец… Он смотрел на нее так, что я фыркнул и сказал, что сейчас слипнусь от их обнимашек. Представляешь, это были последние слова, которые я им сказал. Я должен был их поздравить, а я…

Ленард не поднимал глаз, на ресницах дрожали слезы. Вместе с этими слезами дрожала я, хотя понимала, что слезы – это уже лучше, чем было до.

– Я просто фыркнул и сказал: идите уже, а?

– Сколько гадостей я говорила своей сестре, ты даже не представляешь, – сама не знаю, почему именно сейчас вспомнила Леону, но так уж получилось. – Мы не всегда адекватно выражаем свою любовь, Ленард. Но мы любим своих близких, и они это знают.

– Я ведь так и не сказал им, что они клевые, – Ленард растерянно посмотрел на меня. – Что мне достались самые лучшие родители в мире, и что я вообще рад, что они у меня есть.

– Они и так это знали. Потому что у них самый клевый в мире сын.

Он глубоко вздохнул, и в эту минуту я притянула его к себе. Резко, одним движением, удерживая первый порыв отстраниться. Спустя короткий миг сопротивления Ленард с силой вцепился в мою рубашку, вздрагивая всем телом, а я сидела и смотрела на колышущееся перед глазами море людей. Их действительно было море, и даже больше: море тех, кто лишился этой ночью самых близких.

Моя мама прошла через все это.

Много лет назад.

В Рагране.

Она справилась, и я тоже справлюсь.

Не знаю, сколько прошло времени, пока Ленард перестал вздрагивать, но руки я разжала в ту же минуту, как он захотел отстраниться.

– Платок есть? – все еще всхлипывая, спросил он.

– Вот, пожалуйста. Рукав Гроурубашки к твоим услугам.

Ленард судорожно вздохнул:

– Предлагаешь мне сморкаться в тебя?

– Фу, – заявила я.

После чего он вытер нос собственным рукавом.

– Да плевать. Что с ногой?

– А, это меня Гроу уронил, – хмыкнула я.

– Откуда?

– С плеча.

– Он нес тебя на плече?

– Угу.

Ленард снова вздохнул. Глубоко.

– Спасибо, что приехала. Правда. Я тут расклеился немного, но это пройдет. В общем, если ты торопишься…

– Никуда я не тороплюсь, – внимательно заглянула ему в глаза. – А ты?

– А я тем более. Все равно пока за мной не приедут… – он пожал плечами, а я в этот момент поняла, что ни в какой интернат он не поедет. Даже на два дня, пока его тетка соизволит притащить свою задницу из Флангстона.

– За тобой уже приехали, – сказала я и добавила: – Хочешь поехать с нами?

– Я все еще не могу поверить в то, что это случилось, – сказала я.

Мы с Гроу сидели на диване в его гостиной: я – подогнув ноги, в одной рубашке, потому что было как-то не до заказа вещей, а он меня обнимал. По-простому, но вместе с тем удивительно уютно и так, что мне становилось страшно. Потому что именно в этот момент я поверила, что так может быть каждый вечер.

– В такое всегда сложно поверить, – отозвался он, глядя на плазму, где вот уже полчаса фоном мельтешили новости. Звук мы выключили сразу (да и зачем? Все равно везде одно и то же), а вот картинку оставили. В кадре очень часто мель-

кали Леона и Вэйлар: первая леди посещала пострадавшие районы, ее брат выходил с одного экстренного заседания и сразу попадал на другое. Виртуального, потому что покидать город правящему сейчас не стоило, да и вряд ли он бы до такого додумался.

Ближе к ночи ожидалась очередная пресс-конференция из Мэйстона, и судя по всему, до этого времени Леона должна была вернуться. Потому что везде бегущей строкой неслось «Председатель и первая леди…»

– Кажется, что такое невозможно. Не в современном мире и уж точно оно не случится с тобой, – Гроу повернулся ко мне, не выпуская из кольца рук. – Но это остается только принять, и идти дальше.

Вместо ответа я его поцеловала.

Без намеков, просто так. Легко.

Я была искренне ему благодарна за то, что всю бюрократию с возможностью забрать Ленарда на пару дней он взял на себя. Столько соглашений об ответственности я не подписывала за всю свою жизнь, но подписала бы еще столько, и еще столько бы ждала, только чтобы не оставлять мальчика один на один с тем, что случилось. Сейчас он спал в гостевой спальне: после бессонной ночи и парочки больших пицц, которые мы в себя затолкали прямо в волонтерском центре, его сморило сразу по приезду.

Сейчас ему было легче.

Во сне.

По крайней мере, я очень хотела на это надеяться, и за это тоже была безумно благодарна Гроу. За то, что мотался по городу, чтобы все оформить, за то, что в детской комнате, где мы сидели, появились не только пиццы и вкусняшки на всех, но и все необходимое, что было нужно детям. И кажется, не только детям, потому что когда мы выходили вместе с Ленардом, Гроу все волонтеры знали в лицо, и отнюдь не как знаменитого режиссера.

Вальцгарды не отходили от меня ни на шаг, я лично сунула Единичке в руки коробку с пиццей. Но когда он попытался со мной заговорить:

– Танни…

Я резко перебила:

– Эсса Ладэ, – и вернулась к Ленарду.

– Танни.

Голос Гроу выдернул меня в реальность гостиной.

За то время, что я провалилась в воспоминания, он умудрился подтянуть меня к себе ближе. Хотя куда уж ближе: никогда в жизни мы не были так близки, как сейчас.

– Как думаешь, что там произошло? Почему они…

– Не представляю. Они вели себя так, словно их мир рухнул, и им терять нечего.

Я поежилась.

– Но что могло произойти? Щиты, если я правильно понимаю, усилить нельзя…

– Нельзя, – подтвердил Гроу.

– И растянуть их дальше, чем они сейчас тоже. На прошлой пресс-конференции Рэйнар говорил, что пламя иртханов усилилось, поэтому драконов выдавливают с их земель. Но не могло же оно за пару недель скакнуть так, чтобы зажать их на крохотном клочке земли и вынудить нападать на города?

– Не могло, – снова подтвердил Гроу. – Особенно учитывая, что кто-то намеренно вывел из строя системы оповещения и не позволил вальцгардам вовремя среагировать.

– Кому это вообще могло понадобиться?!

– Конченому психу.

Судя по тому, как Гроу выплюнул эти слова, я поняла, что с темы надо съезжать. Я не могла чувствовать драконов (по крайней мере, пока), но умудрилась забыть, что их чувствует он. И судя по тому, что он рассказывал раньше, от того, что их вывели за пределы города, легче особо не становится.

– Прости, – сказала я. – Я не подумала.

Вместо ответа он пересадил меня к себе на колени, лицом к лицу.

– Танни, когда ты извиняешься и говоришь: «Я не подумала», мне становится страшно.

– Ну не все же тебе меня пугать.

Гроу приподнял брови.

– Ты сейчас настолько милый, что я готова в ужасе бежать на край света.

– Тогда почему не бежишь?

Последнее он спросил совершенно серьезно, а я так же серьезно ответила:

– Не хочу.

Положив руки ему на плечи, подалась вперед, подчиняясь сильной ладони, надавившей мне на затылок. В тот миг, когда наши губы соприкоснулись, у меня перехватило дыхание: искры из-под его пальцев прокатились от шеи по позвоночнику, отзываясь огнем в каждой клеточке тела.

– Виу?

– Ау! – я дернулась с совершенно неэротичным воплем, потому что Бэрри ткнулась горяченным носом мне в голую пятку.

Обувь, конечно, уже доставили (так же, как и белье), но по квартире я предпочитала ходить босиком.

– Надо с ней погулять.

– Тебе кто-нибудь говорил, когда ты ее брала, что это крайне замороченное дело – возиться с блохастиками? – Гроу нехотя меня отпустил и поднялся.

– У нее в жизни не было блох, – фыркнула я. – Правда, малыш?

Малыш выпустила из ноздрей струйки дыма, а я пошла за джинсами Гроу. Которые сняла сразу как вернулась, потому что они натирали мне во всех стратегических местах разом. Натягивая их, я подумала, что надо бы постирать белье, которое так и лежало в коробке. Причем чем скорее – тем лучше. Заодно и одежду новую посмотреть.

И телефон.

Мне срочно нужен новый телефон.

С этой мыслью я спустилась по лестнице, поводок Бэрри надевала как раз в ту минуту, когда Гроу дожевывал кусок остывшей пиццы. Подумалось, что надо бы заказать нормальный ужин или хотя бы что-то приготовить, когда в дверь позвонили.

Леона.

Больше некому.

На этом я залипла, поэтому Гроу пришлось открывать самому.

Ну в общем… это действительно была Леона. И десять вальцгардов.

Навскидку десять, потому что по ощущениям, она взяла с собой маленькую армию или вроде того.

У моей сестры пронзительно-голубые глаза, но иногда они становятся ледяными.

Вот как сейчас.

Ледяной взгляд прокатился по Гроу, и только после достался мне.

– Собирайся, Танни, – в голосе ее тоже крошился лед. – Мы уезжаем.

Глава 3. Танни

*Д*а что мне собираться-то? Одна коробочка с трусами, две с обувью, и то, одна пара будет на мне. Такая мысль меня посетила в первую минуту, а во вторую…

– Ты армию с собой притащила на случай серьезных боевых действий? – поинтересовался Гроу, заслоняя меня собой.

– Тебя не спросила, – резко обрубила Леона. – Уйди с дороги, Джерман.

– Уйдите, местр Гранхарсен. Можешь еще добавить «пожалуйста», и тогда я подумаю.

– В твоей способности игнорировать приказы и нарываться я не сомневаюсь. – Леона шагнула в квартиру, а я перехватила взгляд Единички, и в очередной раз здорово на него разозлилась. Значит, когда смена приедет, да?

Предатель.

– Для начала, приказывать мне никто не имеет права.

– Для начала тебе надо было подумать, что ты подставляешь военнообязанных. В точности так же, как и она.

– Она, твою мать, пережила налет. Тон не хочешь сменить?

– Я сама разберусь со своей сестрой, – в голос Леоны ворвался металл. – Твое мнение меня интересует в последнюю

очередь.

– Говори помедленнее, а то за звоном из-под твоей юбки я половину слов не могу разобрать.

– Думай над тем, что говоришь, Гроу. Повторный арест тебе баллов на слушании не добавит.

Так, все!

Я шагнула к Леоне, отодвинув явно интересующуюся происходящим Бэрри. Шагнула вплотную, не позволяя опомниться и натурально вытеснив ее за порог, сама вышла следом и с силой захлопнула за собой дверь.

– Я не могу уехать, – сказала я, отражая взгляд сестры.

– То, что ты чего-то там не хочешь, это еще не значит, что этого не случится.

– Я не сказала: не хочу. Я сказала «не могу», а это разные вещи. У меня здесь парень…

– Я заметила.

– Который потерял родителей, – продолжила я, игнорируя жесткий сарказм. – Парень, которому нужна моя поддержка, и я не собираюсь его оставлять. Что касается моего поступка – согласна, я налажала. Надо было сделать это по-другому, но вальцгарды мне такой возможности не предоставили, а в том состоянии у меня не было двух часов на раздумья.

Обхватив себя руками, я смотрела только на нее.

Сопровождение, которое притворялось слепоглухонемыми, меня совершенно не смущало.

– В свое время я вытащила Терграна чуть ли на себе и

угнала флайс во время налета, но тогда ты на меня не орала, – я говорила быстро, но тихо. – И если уж так говорить, в Ортахарне ты извинялась за то, что не предоставила мне выбора и давила. Потом опять собираешься извиняться? Ты – моя сестра, Леона, и самый близкий мне человек, я не хочу тебя терять.

Выпалив все это на одном дыхании, я замолчала.

Судя по тишине, воцарившейся в холле, моей речью прониклись даже вальцгарды. Впрочем, мне сейчас было не до речей, я смотрела на сестру и ждала ответа. Ждала до тех пор, пока лед в глазах не сменился столь знакомым мне выражением: усталости и тревоги.

– Мы так и будем стоять здесь? – спросила она.

– Ну не знаю. Меня смущает твоя массовка, – хмыкнула я. – У Гроу, конечно, большая квартира, но в целом и общем это выглядит некрасиво. Согласись?

Ноздри Леоны шевельнулись, тем не менее часть вальцгардов она отпустила вниз. Остальные остались за дверью, и когда мы вошли, Гроу окинул нас пристальным взглядом. Правда, больше ничего не сказал, вернулся в гостиную и утащил за собой порывавшуюся потыкаться в Леону носом Бэрри, а мы с сестрой прошли на кухню.

На самом деле, я сказала гораздо меньше, чем хотелось.

В памяти еще был живы минуты, когда мое сердце отбивало глухой ритм о ребра: я думала о Гроу, а Леона все знала и приказала притащить меня в Мэйстон, ни словом не об-

молвившись о том, что с ним все в порядке. На кухне я первым делом отправилась к кофемашине, чтобы вытряхнуть из себя остатки мыслей об этом и, возможно, закрепить успех. В смысле, успех с кофе, конечно.

– Что произошло? – спросила поспешно, пока чувства опять не передавили предохранитель, и я не начала орать о том, что она *должна* была мне сказать.

Он жив. С ним все в порядке.

Это ведь было совсем не сложно, правда?

Зерна чуть не высыпались мимо, пришлось действовать осторожнее.

– Кто-то убивал драконов. Ментально.

Леона опустилась на стул.

Уставшая и потерянная, но я все равно не могла подойти и обнять. Пока не могла, пусть даже прекрасно понимала, что ей сейчас нелегко. Насколько ей сейчас нелегко.

– Можно убить ментально?

– Можно. Передавив приказом: так же, как человека. Их буквально выдавили из пустошей в зону действия щита, а дальше боль от потери сородичей и воздействие Вайовер Грэйс завершили дело. В общей сложности в околозингспридских пустошах и в городе их погибло около сотни.

Я сглотнула ком и продолжила заниматься кофе. Что-то делать, когда хочется кричать и ругаться – вообще полезная штука. Хотя бы потому, что сосредотачиваешься на процессе и не начинаешь сходить с ума.

Около сотни драконов.

А сколько людей?

Гроу прав. Конченый псих.

– Выяснили, кто это сделал?

– Выясняют, – Леона поднялась и прошлась по кухне.

Каково это, разрываться на два мира?

Первый раз я задала себе этот вопрос на свидании с Гроу, второй… сейчас. У иртханов свое общество, свои законы и свои правила, но Председатель, первая леди, правящие и их жены всегда стояли на стыке миров. Удерживая равновесие между миром людей и драконов, пошатнуть это равновесие – и в мире начнется хаос.

С кофемашиной было покончено, и я все-таки взглянула на нее. Леона стояла у окна, руки чуть подрагивали, словно она хотела их сложить, но не позволяла себе закрыться.

– Тот, кто это сделал, Танни, информационный гений. Он не только перенастроил наблюдение так, что никто ничего не заметил, он еще проник вглубь пустошей, не оставив никаких следов, хотя у нас повсюду камеры. Протащил с собой команду поддержки из сильнейших иртханов, потому что в одиночестве такое сотворить невозможно. Там, где все началось, погибло больше половины драконов. Их просто призвали, а потом убили. Разом.

– Их же казнят? – спросила я. – Когда найдут?

Кровожадности во мне, конечно, хоть отбавляй, но в эту минуту мне показалось, что смертная казнь для таких уродов

– это слишком мягко.

Леона повернулась ко мне, оставив за спиной вечерний Зингсприд.

– К вопросу о том, почему я хочу тебя увезти.

– Я уже объяснила…

– Информация о том, что случилось в Ортахарне, просочилась в прессу.

– А?

– Записи с камер из отеля, когда ты прыгнула, – Леона пожевала губы.

– Да не плевать ли? – спросила я, нахмурившись. – Кого это сейчас интересует?

– Пока что эта новость задвинута на задний план, но когда пройдет время… Мы думали, что это провокация против закона об отключении защиты, но теперь… Рэйнар считает, что то, что случилось в Ортахарне, кукловод Мелоры и устроивший это – одно и то же лицо. Тебя он выбрал потому, что к тебе легче всего подобраться. Поэтому тебе лучше вернуться в Мэйстон, Танни. И какое-то время побыть в Скай Стрим.

Я покачала головой.

Кофемашина за моей спиной принялась шипеть, но я не обернулась. Мне здорово не хватало пледика, потому что несмотря на зингспридскую жару и климат-контроль, сейчас меня колотило от холода.

– Леона, ты понимаешь, о чем просишь?

– Очень хорошо. Когда десять лет назад назревал заговор против Рэйнара, он собирался запретить мне выступать.

– Тогда ты должна понимать, что…

– Дослушай. Я отказалась, потянула время, и в ту ночь мы оба выжили каким-то чудом. Каким-то чудом не пострадала ты. Тот, кто все это устроил, взорвал Лаувайс и спровоцировал налет, но сейчас мы даже не представляем, какие возможности у того, кто способен провернуть такое и уйти незамеченным. Поэтому, Танни…

– Нет, – я замотала головой. – Нет.

– Танни, твой отец мертв.

Готовая продолжать возражать, осеклась.

– Мой…

– Да, – подтвердила Леона. – Диран Барт.

Я вернулась к кофе.

Одну чашку протянула сестре, вторую взяла себе и обхватила ее руками просто потому, что мне надо было кого-то обнять. Мой отец, конечно, был тем еще наблом, но в редкие моменты просветления (в частности, когда была жива мама), он вел себя адекватно. Таскал нас с Леоной на руках, водил в парк, носился с мамой, когда она лежала в больнице.

В общем, нельзя сказать, что он был конченым засранцем.

Или можно?

Мысли в моей голове насаживались одна на другую, как как канапе, и верховной зефиринкой насадилась еще одна.

Мой отец.

Я понимала, что сейчас совершенно не время об этом думать, но не думать не могла.

– Что с ним случилось? – спросила я совсем не то, что хотела.

– Инсульт.

– А.

– Его охраняли, Танни. С той самой минуты, как ты мне все рассказала…

– Да. Я понимаю.

– Мне очень жаль.

– Угу. Мне тоже.

Я отпила кофе.

Определенно, с этой кофемашиной что-то не так.

Леона, в отличие от меня, к своему так и не притронулась, поэтому я все-таки спросила:

– Тест ДНК…

– Твой отец Диран Барт, Танни. Он действительно твой отец. Иртхан, с которым встречалась мама… он по определенным соображениям сделал вазэктомию. Поскольку это врачебная тайна, сразу этот факт выяснить не удалось, но детей у него быть не может. Тест ДНК мы тем не менее провели.

Я сдавила виски руками.

– Что ты решила?

– Я остаюсь, Леа.

– Танни…

– Послушай, я не шутила, когда сказала, что есть мальчишка, которому я очень нужна. Его родители погибли во время налета, и…

– Как его зовут?

– Ленард Харинсен. Мы вместе снимаемся.

– Ему что-то нужно?

– Любовь, я полагаю. Очень много любви. У меня есть два дня, чтобы побыть с ним, потом приезжает его тетка из Флангстона, и что будет дальше, я вообще не представляю.

– Она хочет оформить опекунство?

– Понятия не имею. Ленард говорил, что ей на него положить, поэтому…

– А потом?

– Что – потом? Потом продолжатся съемки. Почему ты потянула время, Леона?

Сестра внимательно на меня посмотрела.

– Ты сказала сама: я потянула время, и мы чуть не погибли.

– Я помню.

– Ну и?

– Я собиралась отказаться от постановки, но потом пришла на репетицию и поняла, что не могу бросить их всех. Не могу отказаться от мира, который мы создаем все вместе, который у меня в крови.

– В общем, на свой вопрос ты ответила сама.

Я покатала кружку между ладонями, натыкаясь кончика-

ми пальцев на ручку, и добавила:

– Обещаю больше не создавать никаких трудностей вальцгардам. Если захотят, пусть хоть спят рядом с моей кроватью, я им ни слова не скажу.

Сестра впервые за все время нашего разговора улыбнулась.

– И, Леона. Те парни, которых ждет разбирательство… я бы не хотела, чтобы им влетело из-за меня.

– Им все равно влетит. За неумение разрулить экстренную ситуацию.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но передумала.

– Рихт Паршеррд. Ему точно не должно влететь.

Леона покачала головой.

– Нельзя просто так нарушить правила в экстренной ситуации и остаться безнаказанным.

– Нельзя спасти кого-нибудь в экстренной ситуации, и при этом думать о правилах, – сказала я. – Но мое обещание остается в силе. Только отзови Рона. Замени его кем-нибудь.

– Почему?

– Потому что я ему верила, а он не сказал, что Гроу жив.

От улыбки на ее лице не осталось и тени.

– Танни. Что у вас с Гроу?

– Ничего, – кофе я допила залпом.

Успевший немного остыть, он уже больше напоминал ту бурду, что я варила раньше.

Когда на дне осталось только дно, я поняла, что только

что сказала.

Еще я поняла, что на кухне стоит Гроу, и что он это слышал.

В общем, м-да.

– Леона. На пару слов, – произнес он, совершенно бесцеремонно выдирая чашку из рук моей сестры, и при этом так на меня посмотрел, что мне захотелось заползти под стол или спрятаться за Леону.

Под стол не получится: там стоял Гроу, за Леону гордость не позволит, поэтому я ретировалась мыть чашку.

– Танни, – донеслось из-за спины. Леонино.

– А?

– Местерхард ничего не знал.

Я обернулась, но они с Гроу уже вышли.

Наверное, мне должно было стать легче, точнее, и стало бы, если бы не только что случившееся. С таким усердием я не мыла чашки уже лет десять, еще немного – и она поменяет цвет, поэтому я решила оставить ее в покое и повернулась к цокающей когтями Бэрри. Судя по довольной морде, ее кто-то все-таки вывел погулять, пусть даже очень ненадолго, но основная проблема была решена. Поэтому она притопала ко мне, грустно вздохнула (еды в миске нет!) и ткнулась горячим носом в ногу.

– Бэрри! Я тебя сколько раз просила так не делать?

– Виу?

– Вот тебе и виу.

Опустившись прямо на пол, протянула ей руку, и виари угнездилась рядом, положив морду мне на колени. Я чесала ей голову и думала обо всем, что случилось.

Его (этого случившегося) было столько, что мысли отказывались укладываться в голове и разворачивалась бесконечными вереницами, путаясь в какие-то спирали ДНК.

ДНК.

Наверное, все это с самого начала было просто глупостью, разумеется, мама не вышла бы замуж за Дирана, если бы он не был моим отцом. Не такая она была, не повесила бы ребенка от другого мужчины на того, кто ее любил. Если он, конечно, ее любил.

В общем, мои мысли были далеки от логичных, вдобавок ко всему меня начало потряхивать. Потряхивать так, что я то и дело цепляла Бэрри за ухо, что в общем-то, ей нравилось, но мне не особо.

Мне вообще не нравилось все, что происходит.

В частности то, каким тоном Гроу сказал: «Леона, на пару слов», – и как он на меня в этот момент посмотрел. Что значит на пару слов, и почему я вообще должна сидеть тут, когда они там разговаривают? Потому что я не иртханесса?

Решительно поднялась: настолько решительно, что лодыжку снова дернуло болью, и Бэрри встревоженно вскочила следом за мной. Она всегда меня чувствовала, поэтому сейчас обтиралась всеми своими чешуйками, царапая ноги и виррча.

На полпути в гостиную я передумала, потому что гордость и потому, что меня туда не звали.

Очень надо, можно подумать.

Впрочем, до того, как я успела передумать второй раз, Леона и Гроу вышли в холл. Она снова была в маске первой леди, а на него я старалась не смотреть. Только сейчас, увидев сестру, я снова вспомнила про Местерхарда.

То есть про Рона.

То есть про Единичку.

– Танни, завтра тебе доставят новый телефон, – сказала она. – Будь любезна, сразу его активируй и нигде не забывай.

– Он что, со следящим устройством? – поинтересовалась я.

По лицу Леоны поняла, что да.

– Серьезно?! – вскинула брови. – Он будет транслировать все, что со мной происходит? В душ его тоже брать?

– Это одно из условий того, что ты остаешься в Зингсприде, – ответила Леона. – Телефон. Беспрекословное подчинение первому слову вальцгардов. Никаких выкрутасов.

М-да.

Можно подумать, и не было нашего разговора на кухне.

– Спасибо, что говоришь со мной как со взрослым человеком, – огрызнулась я.

– Сначала докажи, что ты умеешь себя вести, как взрослый человек, – сестра вышла за дверь раньше, чем я успела ответить.

Что касается Гроу, он стоял, привалившись к стене и глядя на меня. Ноздри чуть подрагивали.

– Спасибо, что поддержал, – заметила я.

– У меня всего один вопрос, Танни: когда ты собиралась мне сказать, что у тебя в роду, возможно, были иртханы?

Я сложила руки на груди:

– Леона растрепала, да?

– Леона сочла нужным со мной этим поделиться. В отличие от тебя.

– Ну здорово, – хмыкнула я. – Чем она еще решила с тобой поделиться? Любимым цветом нижнего белья?

Глаза Гроу опасно сверкнули, он шагнул ко мне.

– Я задал тебе вопрос, Танни.

– А я не хочу на него отвечать!

Рванулась мимо него в гостиную, но он перехватил меня за руку.

– Мы не договорили.

– Да ладно?

– Не ладно, – пальцы сомкнулись на моем локте с такой силой, что я ойкнула, а потом меня втащили обратно на кухню. – Представляешь, когда двое решают жить вместе, о таком говорят заранее.

От такого заявления я сначала очешуела, а потом рванулась, чудом не оставив в его захвате клок рубашки.

– Насчет двоих – это ты прав, но есть одна маленькая поправочка: здесь все решил ты.

– Я. Ничего. Не решал, – в глаза Гроу плеснула зелень. – А вот ты умудрилась решить за двоих. Дважды.

Я сложила руки на груди.

– Да ну? И о чем же еще я тебя не спросила? Когда взяла твой гель для душа или зубную пасту?

– Когда взяла Ленарда.

Во мне как-то разом кончились и слова, и воздух.

– Ну знаешь ли… я не подумала, что нужно интересоваться, хочешь ли ты помочь потерявшему родителей парню. Мне такое даже в голову не пришло, ни разу. Но если ты против, мы съедем в ближайшие пару часов, как только я найду адекватный вариант аренды.

Метнулась мимо него, но меня перехватили за многострадальный локоть и толкнули назад.

– В этом вся проблема, Танни. Ты не думаешь. Ты не думаешь ни о ком, кроме себя. – Прежде чем я посоветовала ему идти куда подальше, Гроу продолжил: – Я сам такой же. Это синдром одиночки, но когда есть двое, решения принимаются вместе. Я не имею ничего против Ленарда, но тебе стоило просто спросить. Чувствуешь разницу?

– Да! – огрызнулась я. – Чувствую! Мне надо было сказать парню: извини, я сейчас спрошу у Гроу, не против ли он, что ты на пару дней поселишься в его квартире, а то у него чувство собственной важности скукожится. Все, давай замнем тему. Я не собираюсь с тобой жить, так что вопрос исчерпан. Могу я пройти?

– Нет.

– Нет?

– Нет, – Гроу шагнул ко мне вплотную.

Настолько вплотную, что мне пришлось отступить, и только по счастливой случайности я не угодила пяткой в миску Бэрри. Впрочем, в следующую минуту миска Бэрри меня перестала волновать от слова совсем. Потому что Гроу оперся о столешницу, чуть ли не вжимая меня в нее, черты лица снова заострились, становясь звериными, и меня знатно полоснуло его силой.

– Нет, Танни. Мы еще не поговорили про наше с тобой «ничего».

– А о чем тут говорить, если оно ничего? – прищурившись, спросила я.

– Например, о том, что сегодня утром ты была другого мнения.

– Разве? – уточнила. – Когда ты был с Ширил, ты был другого мнения?

Глаза Гроу полыхнули огнем.

– Серьезно, Танни? – вкрадчиво поинтересовался он. – Ты сравниваешь то, что произошло между нами с тем, что было между мной и Ширил?

– Ну в общем, да, – хмыкнула я. – Думаю, со времен первого иртхана в этом процессе ничего существенно не изменилось.

Зрачок дракона стал вертикальным.

– Нет, серьезно, – я вцепилась в столешницу, глядя ему в лицо. – Другого мнения – это как? Как ты вообще видишь наши отношения?

Я старалась говорить спокойно, хотя спокойно и я – вещи несовместимые. Особенно сейчас, когда мне настолько был важен его ответ.

– Я предложил тебе жить вместе, Танни. Как ты считаешь, я их вижу?

– Вместе насколько? – уточнила я. – До окончания съемок? До того, как ты уедешь в Ферверн?

– Я так далеко не заглядываю.

Ну вот и ответ.

– А я заглядываю, – ответила я. – И когда заглядываю, там – ничего.

Я уперлась ладонями ему в грудь.

– Дай пройти.

– Почему ты не можешь просто наслаждаться жизнью? – ноздри Гроу снова шевельнулись. – Здесь и сейчас.

– Потому что однажды я ей уже насладилась, и ничего хорошего из этого не вышло. Отойди, Джерман.

Сейчас, когда основные эмоции схлынули, во мне осталась какая-то странная пустота и осознание случившегося. С этим осознанием мне еще предстояло жить, поэтому я просто хотела побыть одна. Там, где никто не достанет. Там, где не надо смотреть в эти драконьи глаза и вспоминать, чувствовать всей кожей.

Так остро.

Даже сейчас.

– У тебя есть еще одна спальня? – поинтересовалась я. – У меня дико болит голова, и я хочу спать.

– Со времен первого иртхана умнее отмазок женщина еще не придумала.

Я выразительно оттопырила средний палец.

– Вторая дверь справа. Она сдвоенная со спальней Ленарда.

– Круто, – ответила я. – И я возьму твой планшет на время. Мне нужна одежда и жилье.

– Мое предложение остается в силе, – сказал Гроу.

– Так же, как и мой ответ.

Я сунула планшет подмышку и вышла с кухни.

Хотя было еще от силы семь часов, я искренне надеялась на то, что засну быстро. Вот прямо сейчас выберу все, что мне нужно, спишусь с риэлторами по поводу того, чтобы завтра посмотреть квартиры, и засну.

По дороге я заглянула к Ленарду: осторожно приоткрыв дверь, заглянула в комнату, где спал мальчик. Рыжие вихры разметались по подушке, джинсы и футболка валяются на кресле, одеяло наполовину сползло на пол. Чтобы не шуметь, даже не пришлось напрягаться: я подошла к нему, ступая босыми ногами по мягкому покрытию, осторожно вернула покрывало на место.

– Все будет хорошо, – сказала еле слышно.

Ему.

Себе.

Или нам обоим.

Задерживаться не стала: в том, что ты спишь, а на тебя кто-то пырится в это время, приятного мало, поэтому пошла к себе.

«У себя» было классической гостевой спальней – на кой, спрашивается, Гроу их столько, но уточнять я не стала. Главное, что она есть, и что спать я буду здесь. Правда, чтобы принять душ, мне придется топать к нему, но я решила, что сегодня обойдусь без душа (наш с Ленардом поломан). Воспользуюсь раковиной в туалете, ничего страшного.

Хотя кое-что страшное все-таки было.

То, что уже сейчас, спустя пять минут, мне отчаянно не хватало возможности прикоснуться и снова почувствовать его губы на своих. Услышать его хриплое «Танни», когда вжимаешься бедрами в бедра.

В общем, вовремя Леона пришла.

Еще чуть-чуть – и было бы уже поздно.

С этой мыслью я открыла сайт с тряпками и накидала в корзину всего подряд. Футболок с принтами на все случаи жизни, джинсы и даже пару платьиц. Зачем они мне сдались, я понятия не имела и хотела даже удалить, но потом все-таки оставила. К платьицам полагались туфли, и когда я вспомнила те, с которых началось мое знакомство с Гроу, мне захотелось что-нибудь разбить.

Мама Леоны была наполовину иртханессой.

Полукровкой, как Гроу, и ее вышвырнули из общества просто за то, что она угрожала репутации своей иртханской семейки. Гроу признал отец, но от него всю жизнь требовали соответствия. Неудивительно, что он послал всех подальше.

Вот только вряд ли у него получится провернуть подобное, когда он встанет у власти.

Его жизнь рано или поздно свяжут с какой-нибудь Сибриллой или Мелорой, или еще кем-нибудь, а я останусь в статусе вечной любовницы. Хотя если честно, сомневаюсь, что вечной. Если соединить два пламени (Леона такое говорила), то это все. Пара на всю жизнь.

Подозреваю, что желающих спариться очередь уже выстраивается из центра Хайрмарга до границы Ферверна.

Так, хватит.

Я вернулась к туфлям, закрыла страницу и пошла смотреть предложения по аренде. За одну ночь цены взлетели настолько, что у меня глаза полезли на лоб, тем не менее я присмотрела несколько приемлемых вариантов студий и даже однокомнатную в том же районе, где жила раньше. Поначалу попыталась присмотреть жилье поближе к Вайшеррским холмам, но очень быстро оставила это занятие: отдавать такие деньги за квартиру не видела смысла. Все эти поиски навели меня на мысль, что надо связаться с хозяйкой пострадавшей студии.

Открыла мессенджер и спустя минут пять поняла, что

просто тупо в него пялюсь.

Пялюсь и вспоминаю, как сидела у себя в небольшом холле, и пальцы Гроу скользили по моей лодыжке. Так же, как они скользили по этому экрану, а вчера…

Мысленно выругавшись, швырнула планшет на кровать и отошла к окну.

Отсюда не было видно «Хрустальную иглу», а точнее то, что от нее осталось. Зато отлично просматривалось побережье, и россыпи огней над городом выглядели так, словно ничего не случилось.

Надо же быть такой самкой оцехарры, чтобы после всего думать о… о…

О любимом мужчине?

Кажется, Леона пришла уже поздно.

На этой мысли я поняла, что мне надо чем-то срочно занять мозги, поэтому вернулась к планшету.

И к архивам Ильеррской.

Глава 4. Теарин

Даармарх, Огненные земли

Огонь подчинялся мне через раз, поэтому сейчас я опасалась практиковаться. Тем более что суть случившегося понять не могла: таэрран по-прежнему пламенела на шее запирающей вязью. По поводу случившегося я пока не собиралась никому говорить, доверять в таких обстоятельствах даже нэри слишком опасно. Что касается библиотеки, туда мне до особого распоряжения доступ был закрыт. Но даже если бы я могла туда попасть, нужно понимать, что искать, и в какой области – любой иртхан знает, что снять таэрран может только тот, кто ее надел. Огонь сквозь нее вырваться не может, исключений нет.

Но у меня вырвался.

По поводу платья я сказала, что опрокинула на него лампу, и, разумеется, вопросов никаких не возникло. Платье выбросили, мне заменили ковер, а я… Ночами, когда оставалась одна и когда дворец засыпал, осторожно выпускала огонь на свободу и смотрела на вьющееся над ладонями пламя. Чувствовать его спустя столько лет было странно, но проблема заключалась в том, что и чувствовала его я тоже через раз. Не так, как раньше: до таэрран мое пламя разгоралось

постепенно, рождаясь тлеющим угольком в груди и раскрываясь на ладонях огненными цветами.

Сейчас оно творило все, что хотело.

Точнее, творило бы, не обучай меня отец контролю и не тренируй в свое время на уровне хаальварнов. Я училась управлять стихией, запирать ее и погружать глубоко в себя, если она представляла опасность. Так вот сейчас, когда мое пламя представляло больше опасность, чем дар, мне эти знания очень пригодились. В частности, когда посреди ночи я чуть не подпалила балдахин над своим ложем: языки пламени ни с того ни с сего просто рванулись ввысь, рассыпая искры.

С тех пор я позволяла пламени оживать только в купальнях.

Словно отзываясь на мои мысли, в груди вспыхнуло, раскаляя воздух (в последнее время это происходило спонтанно, все чаще и чаще), но я тут же приглушила стихию, накинула халат и вышла в спальню.

Вовремя.

– Местари! Платье готово. – Ко мне в покои впорхнула Фархи. – Лирхэн распорядилась по поводу завтрака, его сейчас подадут, и можем одеваться.

Учитывая, что над Аринтой только-только занимался рассвет, есть мне не хотелось совсем. Больше того, при мыслях о еде желудок сжимался до состояния сухофрукта и к горлу подкатывал ком.

– Я не буду завтракать, Фархи, – покачала головой, – пусть мне подадут травяной настой. Этого достаточно.

– Но как же? – нэри растерянно на меня посмотрела. – На свидании вы будете только обедать, а до обеда еще…

– Ничего страшного, – перебила я. – Лучше помоги мне привести в порядок волосы.

С некоторых пор мне не нравились прикосновения служанок. Не нравились посторонние запахи, которые раздражали, если не сказать больше. Никогда не отличавшаяся вздорным характером, я нарычала на девушек, когда мне пару раз дернули волосы, и с тех пор предпочитала расчесываться сама, либо доверять это дело Лирхэн и Фархи.

Подозреваю, что все дело было именно в свидании: чем ближе становился «мой» день, тем сильнее меня раздражало все. От совершенно невинных слов, брошенных кем-то за обедом, до взглядов за спиной. Мысль о том, что снова придется терпеть снисходительность Витхара, выводила из себя как никогда раньше. Я вспоминала нашу последнюю встречу и злилась на себя за то, что позволила себе эту слабость.

За то, что раскрылась, впустила в себя непростительное чувство, у которого нет будущего.

Впрочем, со внезапно вернувшимся огнем будущее появилось у меня.

И это единственное, что заставляло меня примириться с предстоящим свиданием: если кто-то и знает о прорывах пламени под таэрран, то это Даармархский. Осталось всего

лишь осторожно расспросить его об этом, а после попытаться вернуть себе возможность посещать библиотеку – возможно, все же есть что-то, чего я не знаю. До того, как Горрхат надел на меня таэрран, я ей особо не интересовалась, а когда надел, интересоваться стало некогда, нам с Сарром пришлось бежать.

Дири пока что не подчинялся моим приказам, но видимо, дело было в нестабильном пламени. Сумею понять его возможности, его суть – сумею подчинить себе ментальную магию.

Подчинится виар – значит…

Значит, подчинится и дракон.

Все дело в силе и в концентрации, а время для практики до последнего испытания у меня будет.

Останется только сохранить это в тайне и продержаться до конца отбора.

Такие мысли вселяли уверенность, поэтому я даже улыбнулась, когда вошли девушки с платьем. Платье с прозрачными дымчатыми рукавами, плотным лифом и тяжелой юбкой было цвета травы в Сердце Аринты и подчеркивало цвет моих глаз. Волосы мне отвели назад, закрепив на затылке и оформив мягкими волнами. Несколько вьющихся прядок выпустили на висках и на лбу, чтобы подчеркнуть овал лица. Глядя на себя в зеркало, я понимала, что давно не чувствовала себя такой красивой и сильной, как в эти дни. Словно вместе с пламенем ко мне вернулась не просто уверенность,

но и часть жизни, которая казалась мне безвозвратно утраченной.

– Спасибо, – поблагодарила я, когда служанки отступили и поклонились.

Как раз в ту же минуту, когда в комнату впорхнула раскрасневшаяся Фархи:

– Местари… Местар…

Подавив снова дернувшее раздражение, напомнила себе о том, что мне нужно.

Зачем мне нужно это свидание.

Зачем мне нужен этот отбор.

Никаких больше глупых мыслей и непростительных слабостей.

Улыбнувшись отражению, я расправила плечи и вместе с нэри вышла в комнату отдыха, где к нам присоединилась Лирхэн. Девушки застыли рядом со мной, и когда в покои вошел Даармархский, склонили головы и присели в реверансах, как того требовал этикет.

– Местари. Местари Ильеррская, – в глазах дракона полыхнули алые искры. – Буду рад провести этот день с вами.

Я не стала склоняться, вместо этого протянула Даармархскому руку: так, как могла бы встретить его в Ильерре.

И произнесла, негромко:

– Взаимно, местар.

Нэри остались в моих покоях, хаальварны у дверей, а мы направились по коридорам в сторону балкона-перехода.

Стража почтительно расступалась, воины склоняли головы, и на первый взгляд это действительно выглядело так, словно Даармархский сопровождает будущую супругу на свидание. С каждым шагом становилось все более тошно от этого фарса: мне казалось, я уже смирилась со случившимся, с мыслью, что меня осознанно обрекли на провал. Но стоило оказаться рядом с ним, как вернулись ярость, отчаяние и боль, которых быть не должно.

Не должно!

А значит, не будет.

Стараясь отрешиться от пытавшихся пробиться сквозь мое решение чувств, я шла, гордо, как и положено будущей правительнице, вскинув голову. Чувствовала на себе взгляд дракона, но не поворачивалась, пусть даже это невесомое прикосновение отзывалось внутри огнем. Возвращала хаальварнам взгляды, стараясь не думать, что уже совсем скоро мы с Витхаром останемся наедине. Напоминая себе о том, что должна спросить.

И о том, чего не должна – снова и снова.

Снова и снова.

Снова и снова.

Вопреки моим представлениям, направлялись мы не в сторону центральных дворцовых дверей, через которые я (кажется, целую вечность назад), прошла, чтобы стать пленницей. Не в сторону бесконечно долгого подъема или, что в нашем случае сейчас было бы более верно, спуска. Ши-

рокая лестница вывела нас на небольшую залитую солнцем площадку, огороженную коваными перилами, врастающими в камень.

Это место я узнала сразу – по соседству с ней располагалась еще одна похожая площадка, только без перил: потайной выход из дворца. Внизу, чуть поодаль, находились казармы. Судя по суете, сейчас там должны были начаться учения, но Сарра пока не было видно. За все это время он ни разу ко мне не пришел, несколько раз я сама порывалась спуститься к нему и поговорить, но останавливала себя.

Если брат не приходит, значит, еще не готов. К чему тогда эта встреча? Чтобы наговорить друг другу еще большей гадостей?

Сопровождающие нас хаальварны застыли у выхода на площадку, а поскольку мы приблизились к перилам, то почти остались наедине. Если можно так выразиться, потому что от внутреннего чувства «я не с ним» – избавиться не могла, и на Даармархского по-прежнему не смотрела. Зато смотрела на океан: здесь не было рифов, и волны облизывали скалы, словно желая стать с ними единым целым.

– Вы сегодня на удивление молчаливы, местари Ильеррская, – напомнил о себе дракон.

– Вашими стараниями, местар, – холодно отозвалась я.

– Я понимаю, – неожиданно отозвался он.

Да неужели?

Даармархский шагнул вперед, загораживая обзор и вы-

нуждая все-таки встретить его взгляд. Глубокий, темный, как ночь даже в такой бесконечно светлый день. Алые всполохи выдавали силу бьющегося в нем огня, и в груди полыхнула искра.

– Мы проведем здесь весь день? – поинтересовалась поспешно, усмиряя рвущееся на волю пламя.

К счастью (и это была еще одна странность), оно не отражалось в моих глазах.

Совсем.

– Нет. Я приготовил для тебя сюрприз.

– Еще один? – я вскинула брови.

В глазах дракона полыхнула стихия, ноздри дрогнули, раскрываясь.

– Тебе так сложно не провоцировать меня, Теарин?

– Мы снова на «ты»? – уточнила я. – Я вас не провоцирую, местар. Просто предпочитаю, чтобы между нами все было предельно ясно. Вы предельно ясно дали понять, что не желаете видеть меня своей женой, я предельно ясно говорю вам, что никогда особо не стремилась стать ею.

Судя по тому, как стянулись в линию зрачки, слышать это ему было не очень приятно. Обойти себя мне не позволили, каменея лицом и приказывая:

– Руку, местари Ильеррская.

– Такое общение хотя бы можно назвать искренним, – отозвалась я, тем не менее руку беспрекословно положила на сгиб его локтя.

Хаальварнам вовсе ни к чему видеть то, что между нами происходит.

Даармархский направился к уводящей вниз лестнице, огибающей огромный каменный выступ. По сравнению с подъемом, который нам пришлось преодолеть, когда мы только приехали, этот спуск можно было назвать детским. Впрочем, о спусках и подъемах я забыла, стоило нам обогнуть срезающий часть вида камень, потому что внизу на волнах покачивался корабль.

Настоящий корабль, которые я раньше видела только на картинках. На таком вполне можно пересечь океан, если флотилию возглавляет сильнейший дракон. Высокая палуба и бронза парусов, ласкаемых ветром. Отсюда мельтешащие на палубе люди казались совсем маленькими, но…

Чем ближе мы подходили, тем более нереальным мне это казалось.

И небольшая природная пристань, прикрытая от волн каменными ладонями. И лодка, которую готовились спустить на воду.

И сами мысли о том, что я впервые в жизни поплыву по воде.

Не выдержав, повернулась к Даармархскому.

– Мы куда-то собираемся, местар?

– Заинтересовал сюрприз? – резко спросил он, не глядя на меня и мгновенно остужая мой пыл.

– Да, – заметила я. – Потому что судя по всему, вы соби-

раетесь меня утопить.

– Твоя вера в меня просто невероятна.

– Вы не сделали ничего такого, чтобы я могла вам верить.

На скулах дракона заиграли желваки.

– Твой брат жив только благодаря мне.

– Благодаря вам он оказался в ситуации, когда вынужден был бороться за свою жизнь.

Рука под моей напряглась и до самого конца лестницы мы больше не сказали друг другу ни слова.

Берег с этой стороны все-таки был выше, потому что спускались мы относительно недолго.

– Осторожнее, – сухо произнес Даармархский, когда мы оказались у подножия лестницы: в двух шагах от нее протянулся невысокий каменный порожек.

– Местар. Местари, – к нам уже спешил человек с закатанными по колено штанами и заправленной в них простой серой рубахой. Остановившись рядом с нами, он низко поклонился. – Вам понадобится моя помощь?

– Нет, – ответил дракон. – Я сам сяду на весла.

У мужчины даже глаза расширились, тем не менее перечить он не посмел, тут же отступил в сторону. Лодка застыла на берегу, до нее не добиралась даже пена волн, я же обернулась на громаду дворца. Возвышаясь отсюда над нами, он казался неприступным и недосягаемым: таким же, как правитель Даармарха.

– Придется снять туфельки, местари Ильеррская, – хмык-

нул Витхар.

Мне показалось, или в его голосе звучала насмешка?

Не глядя на него, спокойно стянула туфельки и подхватила их в одну руку, подол в другую. Что касается дракона, он тоже разулся и направился к лодке, человек забежал перед нами, выталкивая лодку на воду. Он же ее придерживал, пока Даармархский подхватил меня – легко, как перышко, чтобы не замочила платье, и поставил на дно. После чего ловко запрыгнул сам.

Мужчина оттолкнул нас еще глубже и склонился.

– Хорошего дня, местар! Местари.

– Благодарю.

Первый всплеск под веслами поглотил мое изумление, под взглядом дракона раскрывшееся еще глубже.

Потому что с Даармархским мы ответили хором.

Я не стала задерживаться на этой мысли, приложила ладонь ко лбу, чтобы лучше разглядеть корабль. Высокая палуба, тянущиеся ввысь мачты, раскинувший крылья дракон в носовой части. Выполненный и расписанный настолько искусно, что казалось вот-вот крылья и в самом деле раскроются, а зрачки глаз стянутся в тонкие линии в пристальном взгляде на тебя.

Впрочем, пристального взгляда мне и так хватало.

Почувствовав, что меня изучают, я вернула Даармархскому его внимание.

Мы поднялись на борт, и, поприветствовав капитана (ха-

альварна с изрезанным морщинами смуглым лицом), направились к поручням. Здесь тоже недостатков во взглядах не было: люди и хаальварны смотрели на нас во все глаза. Впрочем, сейчас меня гораздо больше интересовало, куда мы отправимся.

– Не знала, что у тебя есть флот, – сказала я.

– С чего ты взяла? – дракон приподнял брови. – Это всего лишь один корабль.

– Этот корабль вполне способен пересечь океан, у него есть порты для орудий. Капитан – не просто моряк, он военный, – я пожала плечами.

Даармархский улыбнулся, странным образом превращаясь из дракона в мужчину, которого мне невыносимо хотелось поцеловать. Что делать с этим диким желанием, я не имела ни малейшего понятия, поэтому отвернулась. Под крики и суету подняли якорь и корабль, поймав парусами ветер, медленно двинулся вдоль скалы, на которой возвышался дворец.

– Мою мать убили, когда мне было двенадцать, – неожиданно произнес Витхар. – Отец сгорел, или, точнее будет сказать, угас, через два месяца после ее смерти. Дворец, где они правили, до сих пор сохранился таким, каким был при их жизни. Это дань их памяти. Этот замок построен на горе, и с суши к нему не подобраться. Со стороны воды – тоже. На возведение флотилии я потратил долгие годы, но Даармарх защищен. Его не достать ни с неба, ни из-под земли.

Потрясенная подобным, я даже не нашлась, что ответить.

Точнее, сразу не нашлась, потому что даже коротких слов «мне жаль» мне сказать не позволили.

– Они были парой? – осторожно спросила я.

И тут же об этом пожалела, потому что угасание означает одно: родители Витхара связали себя не только супружескими узами, но и огнями.

Навсегда.

Один без другого не смог бы жить: когда часть твоего огня, твоего сердца умирает, дальше жить невозможно.

Мир становится пустым.

– Моя мать была наложницей.

Что?!

– Мой дед и дед Флангеррманского были очень дружны. Несмотря на разделявший нас океан, они были частыми гостями друг у друга.

– Частыми? – удивилась я. – Но ведь чтобы пересечь океан…

– Чтобы пересечь океан, дракону нужно от шести до восьми часов, – Даармархский скользнул пальцами по поручням и повернулся ко мне.

Я же только глубоко вздохнула, подавляя готовый сорваться с губ вопрос.

Получается, Янгеррд здесь действительно один. Вот почему я не видела рядом с ним свиты.

– Мать родилась на Севере, ее подарили моему отцу после

Первого испытания.

Первым испытанием назывался оборот, после которого сын правителя становился его достойным преемником. Это означало, что он готов править, и может повести за собой как людей, так и драконов.

– Он любил ее. Настолько любил, что отказался от остальных девушек, которые к тому времени украшали его гарем. Отказался от Отбора и от невест, одна из которых должна была стать правительницей Даармарха.

– Что значит – подарили?! – вырвалось у меня.

Все, о чем он говорил, казалось диким.

Каким бы сильным ни был иртхан, он не мог жениться на простой девушке, ему бы не простили такой слабости. Да что там, его детей не признало бы общество, даже первенца, как достойного правителя, а значит, мать Даармархского была иртханессой. Но как иртханессу могли подарить в гарем?

За что?!

– Она была человеком, – Витхар прикрыл глаза, словно воскрешая в памяти ее образ. Ненадолго: на пару мгновений, но лицо его утратило резкость. Впрочем, когда он открыл глаза, в них гасли отголоски пламени. – Но они с отцом настолько любили друг друга, что она согласилась на огненное перерождение.

Огненное перерождение.

Так появился первый иртхан: когда в кровь людей вливали кровь драконов.

– Но ведь это…

– Да, это большой риск. Она могла не выжить, – Даармархский кивнул. – Но сказала отцу, что хочет быть рядом с ним, что хочет стать матерью его детей, и что если она не попытается сейчас, потом ни за что себя не простит.

– И он ей это позволил?

– Они были молоды. Ему семнадцать, ей шестнадцать, а в этом возрасте не признаешь полумер. Дед рвал и метал, но все-таки дал свое согласие. Чтобы перерождение прошло успешно, желательно брать кровь дракона, рожденного в тех же местах, где и ты. Отец приучал ее к своему пламени постепенно, вливая его сначала понемногу, затем больше. У нее создалась привязка, но это уже не имело значения: когда они прилетели во Флангеррман (он нес ее на себе через океан), матери предстояло стать иртахнессой. Или умереть.

У меня по коже прошел мороз.

Да, первые иртханы появились именно благодаря тому, что шаманы Пустынных земель шли на риск, вливая себе драконью кровь. Кого-то она убивала сразу, кого-то медленно, но…

– Подозреваю, что дед до конца не верил в успех, потому что иначе не позволил бы ему улететь. Скорее всего, он рассчитывал, что мать навсегда останется на Севере, а сын вернется и возьмется за ум, но она приняла кровь снежного дракона. Точнее, драконицы.

Теперь я еще и поежилась: если верить летописям, это

жуткие дни, когда ты горишь и сгораешь, раз за разом. Когда пламя вгрызается в твою кровь изнутри, выжигая частицу тебя, сливая воедино человека и зверя и создавая новую расу.

Делая тебя…

Иртханессой.

Нужно очень сильно любить, чтобы на такое решиться.

– Что было потом? – несмотря на жару, мой голос слегка охрип.

– Потом? Они вернулись и были счастливы, после ухода деда правили вместе до того дня, как один из хаальварнов, относящих себя к сторонникам тех, кто считал, что чужестранка обманом засиделась на троне, не вонзил в сердце матери смазанный ядом клинок.

Я закусила губу, а Даармархский продолжил.

Взгляд его сейчас был обманчиво-темным, как угли, только ладонь с силой сжалась на поручне.

– Многие приняли этот брак, но многие считали его недействительным. Во-первых, это было смешение огней. Лед и огонь, такое раньше никому бы не пришло в голову.

Хеллирия.

Теперь я понимала, откуда ее странная внешность, магия и цвет волос: она все это взяла от мамы.

– Во-вторых, у матери не было титула. На Севере она была дочерью зажиточного торговца и до того, как прошла перерождение… – Витхар ненадолго замолчал, но потом закон-

чил: – Да, многие уважали ее за мощный огонь, который она приняла, и за силу, которая помогла ей через это пройти. Но были и другие.

Неосознанно потянулась к его руке и накрыла ее ладонью.

Но слова «мне жаль» я снова не успела сказать, потому что дракон пристально посмотрел мне в глаза.

– Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я не хочу видеть тебя своей женой.

– Любая претендентка мечтает это услышать, Витхар, – заметила я и отвернулась.

Отвернулась, потому что сейчас мне отчаянно захотелось столкнуть его за борт, а сверху сбросить ведро, которое попалось мне на глаза, когда я демонстративно смотрела в другую сторону. Заметив это, молодой человек, который тоже ведро увидел, мгновенно подхватил его и исчез в недрах трюма.

А жаль!

Такой снаряд, такой снаряд.

– Ты – не любая, Теарин. Когда ты уже это поймешь?

Резко повернулась к нему.

– Я это знаю с рождения. Но судя по тому, что говоришь ты, я именно любая, и даже не претендентка. Потому что ни одной из них ты бы такое не предложил.

В груди вспыхнуло, и я прикусила язык.

Обещала же себе!

Обещала, и вот, пожалуйста, снова!

– Расскажи мне про таэрран, – закрыла предыдущий раз-

говор.

– Про таэрран? – раздражение в голосе дракона тоже полыхало огнем, но сильнее полыхало в груди.

Нет-нет-нет, миленький, пожалуйста.

Только не сейчас.

Только не сейчас!

Мы уже обошли скалу, дворец остался позади, а впереди простирался океан, безбрежный и бесконечный. Ветерок ласково скользил по щекам, соленый воздух так и манил вдохнуть полной грудью, но я сейчас пошевелиться боялась, не то что глубоко дышать. Одна искра из-под моих пальцев – и тайна раскрыта. Что, если Даармархский просто почувствует бьющееся во мне пламя?

– Да, хочу знать, что будет, если через таэрран прорвется огонь.

– Это невозможно, Теарин, – взгляд его смягчился, но сейчас за такое я готова была не просто швырнуть в него ведро, а предварительно набрать туда помои.

– А если все-таки возможно? – я вскинула бровь. – Если на миг представить, что такое возможно, и что я пройду отбор? Что ты будешь делать тогда?

– Мне не нужен отбор, чтобы быть с тобой.

– А мне не нужен ты!

Глаза дракона полыхнули, но я уже подхватила юбки и направилась в носовую часть, совершенно не заботясь о том, что о нас подумают. Мало ли, может в раскаленном от чув-

ства собственной важности местара воздухе местари стало нечем дышать, и она решила немного прогуляться. То, что мои туфельки остались рядом с Даармархским, я поняла уже когда поднималась по лесенке: ударившись пальцем о ступеньку, вспомнила несколько совершенно недостойных дочери правящего слов.

Впрочем, именно это помогло отвлечься, я заметила, что на меня смотрит капитан, и улыбнулась. Хаальварн направился ко мне, а я отпустила юбку, чтобы прикрыла босые ноги.

– Местари Ильеррская?

– Я давно хотела попробовать управлять кораблем, – заметила негромко. – Вы же меня научите, капитан?

Хаальварн, к его чести, не только не побежал выяснять у местара, можно ли, но даже не взглянул мне за плечо. Вместо этого протянул руку:

– Пойдемте, местари.

Теперь на нас снова смотрели все, с той лишь поправкой, что на нас – это на меня и капитана, и признаться честно, это было куда приятнее. Я слушала его объяснения, запоминая, как ориентироваться в открытом океане, как швартоваться и как избежать посадки на мель, как происходит разворот, когда нужно поднимать паруса, когда лучше опустить и почему в свое время при создании флотилии отказались от весел и от гребцов. В случае полного штиля их заменяли иртханы из Восточной Пустыни, одним из проявления огня которых

была способность управлять потоками воздуха.

Слушая все это, я почти забыла о своем пламени.

Неудивительно, потому что в груди больше не жгло, и к счастью. Когда мужчина отступил, решительно шагнула к штурвалу.

– Корабль нужно чувствовать, – произнес капитан. – На время, пока ты на воде, становиться с ним единым целым.

– Совсем как с драконом во время призыва.

Хаальварн улыбнулся:

– Именно так.

Я улыбнулась в ответ, и когда штурвал лег мне в руки, почувствовала себя… свободной. Свободной ото всех условностей, от ненавистного мне отбора, даже от невозможности покинуть Даармарх по своей воле. Впереди, над гребнем дракона, справа и слева от его крыльев расстилался бескрайний простор океана, в моих руках, готовый отозваться по первому движению, был целый огромный корабль. Сейчас я действительно чувствовала его так, словно мы стали единым целым. Словно он был живым, и движение рук, как приказ, могло развернуть его в любую сторону.

– Поворачивайте чуть-чуть влево, местари Ильеррская.

«Чуть-чуть» оказалось отнюдь не таким простым, каким могло показаться, но и на слабость в руках я никогда не жаловалась. Когда дракон, то есть корабль, чуть изменил курс, задохнулась от восторга.

Там, где небо в ослепительном сиянии солнца сливалось

с водой, почти стирая тонкую нить горизонта, казалось, начинается новая жизнь.

Новая жизнь, забытая до этого дня.

Свободная жизнь.

– Куда мы сейчас плывем? – спросила я, но тут же взглянула на небо, вспоминая. – На Север?!

– Все верно, местари Ильеррская.

Капитан улыбнулся, а я вернулась к кораблю.

И к океану.

Сейчас мне даже начинало казаться, что штурвал едва различимо подрагивает в моих руках, и от этого ощущения были просто запредельные. Казалось, я могу разбежаться и взлететь, а потом парить в выбеленном от жара солнца небе, пока оно не сменится пронзительной синевой Севера.

– Непередаваемое чувство, правда?

Голос Даармархского прозвучал, как арбалетный болт, вспорол воздух, в котором, если бы не таэрран, я возможно в самом деле могла бы парить. Сильные руки легли на штурвал, накрывая мои и разрушая очарование момента.

– Прошу прощения, местар, – я вывернулась и поняла, что капитана на мостике уже нет.

Не скрывая разочарования направилась к лестнице.

– Вернитесь, местари Ильеррская.

Это был приказ.

Пришлось вернуться, ступая по нагретому солнцем дереву.

– Вы что-то хотели, местар?

– Если ты не забыла, у нас свидание.

– Как я могу забыть, если вы постоянно мне об этом напоминаете.

Даармархский взглянул на меня.

– Мы не закончили разговор.

Действительно не закончили.

– Да, мы говорили про таэрран.

Руки дракона на штурвале сжались сильнее, тем не менее он процедил:

– Я не знаю ни одного случая, когда пламя прорвалось бы через таэрран. В истории Надорги был случай, когда правитель запечатал таэрран своего первенца, сына- заговорщика. Парня бросили в подземелье, но спустя несколько лет его сила возросла настолько, что печать отца оказалась слабее его пламени.

Я затаила дыхание.

– Тем не менее преодолеть магию таэрран и вырваться из-под нее огонь все равно не мог. Поэтому сжег заговорщика. Изнутри.

Последние слова перебили дыхание окончательно.

Сжег изнутри?

Нет, это же…

– И его отец позволил этому случиться? – хрипло спросила я.

– Все произошло очень быстро. Огонь набирал силу по-

степенно, день за днем, а потом разом полыхнул. Никто не успел ничего сделать.

– Но он же должен был что-то чувствовать? Идущий изнутри жар, или…

– Под таэрран свой огонь не почувствовать. Это печать, магию которой ни одному пламени преодолеть не под силу. – Даармархский пристально на меня посмотрел, и я решила прекратить расспросы.

Тем более что слова «свой огонь не почувствовать» выдернули меня из состояния, близкого к животному страху. Я отошла к поручням мостика, обхватила себя руками. Нет, это точно не мой случай, потому что я действительно ничего не чувствовала под таэрран. Точнее, чувствовала, но когда рядом был Даармархский, его огонь я чувствовала так же ярко, как сейчас…

Чей?!

Эта мысль вытряхнула из меня воздух еще сильнее, чем предыдущая, но оформиться не успела.

– Огонь набирает силу только до полного созревания. Тебе не о чем волноваться, Теарин.

Я обернулась: Даармархский стоял рядом со мной, к штурвалу вернулся капитан.

– Не о чем? – воскликнула я. – Да, пожалуй мне не о чем волноваться. Кроме того, что я всю жизнь проведу, не чувствуя своего пламени.

Я говорила, но мысли метались взбешенными драконами.

Пламя.

Если оно не мое, тогда чье?! Чье?!

Я же не могу быть…

– Иногда не чувствовать гораздо проще.

– Это ты по своему опыту говоришь?! – посмотрела ему в глаза. – Ты хоть раз лишался частицы своего пламени?! Хоть раз становился пустым, без огня, с которым родился?! Ты когда-нибудь такое чувствовал, Витхар?!

– Да, – дракон спокойно встретил мой взгляд. – Отец несколько раз наказывал меня за проделки. Надевал таэрран.

– На сколько? – спросила я. – На пару часов?

– Самое большее – на полгода, – ноздри дракона шевельнулись. – За то, что заставил сына прислужницы при всех называть себя дурными словами. Он мне надерзил, и я решил его проучить. Отдал приказ. Отец сказал, что достойный правитель никогда не поступит так со своим подданным, после чего надел на меня таэрран там же, на глазах у всех. После этого в Даармархе было введено наказание за ментальные приказы людям.

Глубоко вздохнула, пытаясь успокоить себя.

Свои мысли.

– Как видишь, я прекрасно понимаю, чего ты лишена. Но рядом со мной ты будешь чувствовать пламя. Столько, сколько пожелаешь.

– Какое неслыханное благородство! – выдохнула я.

Чуть громче, чем рассчитывала, просто потому, что меня

уже начинало трясти. Невысказанное даже про себя откровение сейчас пыталось пробиться сквозь череду сменяющих друг друга чувств, эмоций и мыслей. Руки сами собой сжались в кулаки, грудь обожгло.

Снова.

Ноздри дракона шевельнулись, словно он что-то почувствовал.

– Сбавьте тон, местари Ильеррская.

Это и растекающийся по груди огонь относительно привели меня в чувство.

Мне надо сосредоточиться на чем-то другом. На чем-то другом, не настолько остром.

Таэрран.

Даармархский сказал, что отец надел ему таэрран за приказ сыну прислужницы, но…

– Сколько же тебе было лет? – прошептала я. – Сколько тебе было лет, когда ты отдал ему приказ?!

– Шесть.

– Шесть?!

– У меня очень рано проснулся огонь, Теарин. Предположительно, из-за того, что произошло с матерью. У первых иртханов огни пробуждались в самом раннем детстве, из-за яркого слияния с драконами. Ты должна это знать.

Нет.

Конечно же я это знала, и о том, какие аномалии творились с перерожденными, и о том, что сила их была запре-

дельной, гораздо больше, чем сейчас у нас. Знала о том, что они оборачивались в секунды, что у драконят пламя просыпается еще во время созревания в яйце, но…

Нет!

Нет, нет, нет, пожалуйста, нет!

– И когда у тебя проснулся огонь?

– Мать почувствовала его еще до моего рождения.

Перед глазами потемнело.

– Куда мы плывем? – теперь уже я вцепилась в поручни, чтобы скрыть мелкую дрожь рук.

Мысленно глубоко дыша, унимая втекающее в каждую клеточку пламя.

Вскинув голову, чтобы не позволить чувствам взять верх над разумом и разрушить все.

– На остров, – отозвался дракон, и лишь неимоверным усилием воли я заставила себя сосредоточиться на этих словах.

– Остров?

– Да, отец с матерью случайно нашли его, когда вместе летали над океаном, – взгляд Даармархского снова смягчился: он становился таким всякий раз, когда дракон говорил о родителях. – Я был зачат на этом острове, и они посчитали это благословением. В самом сердце острова отстроили дом, и родители уединялись там, когда была такая возможность. В редкие часы отдыха они прилетали сюда.

– А ты всех претенденток сюда привозил? – слова сорва-

лись с языка раньше, чем я успела их осознать.

Взгляд Даармархского сначала потемнел, а потом раскалился, отмеченный силой его пламени.

– Думай, что говоришь. Ты единственная, кому я рассказываю об этом месте.

– О, я вне всяких сомнения должна быть польщена, но с чего нам туда плыть?!

Вот теперь алое пламя мгновенно вытеснило радужку. Остались только вертикальные зрачки: острые, как лезвия кинжалов.

– Ты совсем ничего не ценишь, Теарин?

– Ценю, – я кивнула. – Я ценю историю твоих родителей, которые искренне любили друг друга. Это место, этот остров хранит отпечаток их любви. Он создан для тех, кто умеет любить, Витхар. Не для нас.

– Любовь – это слабость, – прорычал дракон. – Мне слабости не нужны.

– Благодаря этой слабости ты появился на свет! – выдохнула я. – И Хеллирия тоже!

– Довольно! – в рычание ворвались хлесткие пламенные плети. – Ты сегодня достаточно испытывала мое терпение.

Я покачала головой.

– Я не сойду с этого корабля, Витхар. Не коснусь даже пальцем этой земли. Тебе придется тащить меня туда силой, на глазах у всех. Ты этого хочешь?

Пламя ударило в меня волной, яростной, мощной и на-

столько сильной, что когда волна скользнула назад, чуть не увлекла за собой то, что билось внутри. Только благодаря урокам отца я удержала искры на пальцах. Только благодаря урокам отца свела за спиной подрагивающие, горящие от огня и напряжения ладони.

Даармархский развернулся так резко, что его сила зацепила меня шлейфом бушующей мощи. И так же резко скомандовал капитану:

– Поворачивай! Мы возвращаемся.

После чего быстро спустился по лестнице и зашагал по палубе в сторону дальней мачты.

Я же с трудом расплела пальцы, повернулась к морю, оставив за спиной капитана, мачты, Даармархского. Впереди был только океан и раскинувшиеся крылья дракона. Небо и горизонт.

Чувствуя, как корабль меняет курс, я отпустила огонь и приложила ладони к животу в надежде, что ничего не почувствую.

Ничего, пожалуйста.

Совсем ничего.

И вздрогнула, когда изнутри ударило пульсацией пламени.

Пламени маленького драконенка.

Глава 5. Танни

Зингсприд, Аронгара

*Д*оброе утро – это когда ты впервые за последнее время чувствуешь себя по-настоящему выспавшейся. Такой, когда глаза открываются не с помощью распорочек, поддерживающих верхние веки, а сами по себе. Широко-широко. И еще шире, когда ты понимаешь, что сзади к тебе прижимается гроутело со всеми гроувыпуклостями, одна из которых упирается тебе прямо в ягодицы.

О-о-очешуеть!

Я рывком высвободилась из объятий этого… этого… и села на постели!

В его спальне!

Полностью обнаженная.

И он тоже.

Что касается него, он даже глаза не открыл, просто повернулся на спину, совершенно без зазрения драконьей совести демонстрируя все свои выпуклости.

И-и-и-и…

Я подхватила подушку и от души приложила вконец охамевшего драконорежиссера по голове.

– Гроу!

– Танни, – донеслось хриплое из-под подушки. – Ты просто сама нежность.

Нежность?

Нежность?!

Да я тебе сейчас такую нежность покажу!

– Ты что устроил?! – прорычала я, сдергивая подушку с дракономорды и замахиваясь повторно.

– А я что-то устроил? – подушку выдрали из моих рук и отправили на пол, сам режиссер приподнялся на локтях и весьма однозначно уставился на мою грудь.

– Я! Ушла! Спать одна! – выдохнула, с силой выдергивая из-под этой беспринципной туши верхнюю простыню и заворачиваясь в нее.

– Нет, ты ушла побыть одна, – хмыкнул Гроу. – Никто не обещал, что ты будешь одна спать.

Ы?

Ы.

Ы!

Все связно оформившиеся мысли исчезли из моей головы, особенно когда Гроу одним движением перетек ко мне. Клянусь, именно перетек – только что полусидел, расслабленный такой, и вот уже рядом, а я у него на коленях, спиной к нему. Окутанная его запахом (сигареты, кофе и присущая только ему дымная горчинка), который, между прочим, сводит меня с ума, так же, как и его близость.

– Пу-усти, – прошипела, дернувшись.

– Не пущу.

Для верности меня оплели руками и ногами, чтобы не вырвалась.

Признаюсь честно, вырываться совсем не хотелось, зато хотелось настучать себе за это по голове. Вчера была умная Танни (целых десять минут), сейчас Танни-классик.

– Ты что, не слышал, что я вчера сказала? – перестала трепыхаться: может, хоть так отпустит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.